

Башкирское региональное отделение  
Общероссийской общественно-государственной просветительской  
организации «Российского общества «Знание»

Автономная некоммерческая организация дополнительного  
профессионального образования  
Образовательный центр «Золотые россыпи»

**ЗОЛОТЫЕ РОССЫПИ ВЕТЕРАНОВ – 4**  
**«ДЕТИ ВОЙНЫ: ПОРТРЕТ ПОКОЛЕНИЯ»**

г.Уфа-2017

Отв. за выпуск:

**Ширинкин Сергей Алексеевич**, председатель Башкирского регионального отделения Российского общества «Знание», директор Филиала Российского общества «Знание» в Республике Башкортостан;

**Палтусов Александр Михайлович**, председатель правления Башкирского республиканского отделения Общероссийской общественной организации «Дети войны».

**Золотые россыпи ветеранов – 4: «Дети войны: портрет поколения»** - Уфа, 2017. - --- с.

В сборник включены воспоминания жителей Башкортостана, чье детство пришлось на годы Великой Отечественной войны, тех, кого принято называть поколение «Детей войны». Материалы собраны, благодаря содействию участников общественной организации «Дети войны», а также ветеранских организаций и некоммерческих организаций, работающих со старшим поколением. В подготовке материалов принимали участие и родственники ветеранов. Воспоминания представлены в авторской редакции с незначительной литературной обработкой.

Сборник предназначен для использования в военно-историческом и патриотическом воспитании населения.

© Башкирское региональное отделение  
Российского общества «Знание», 2017

© Башкирское республиканское отделение  
Общероссийской общественной организации  
«Дети войны», 2017

**Дети войны и веет холодом,  
Дети войны и пахнет голодом,  
Дети войны и дыбом волосы:  
На челках детских седые  
волосы**

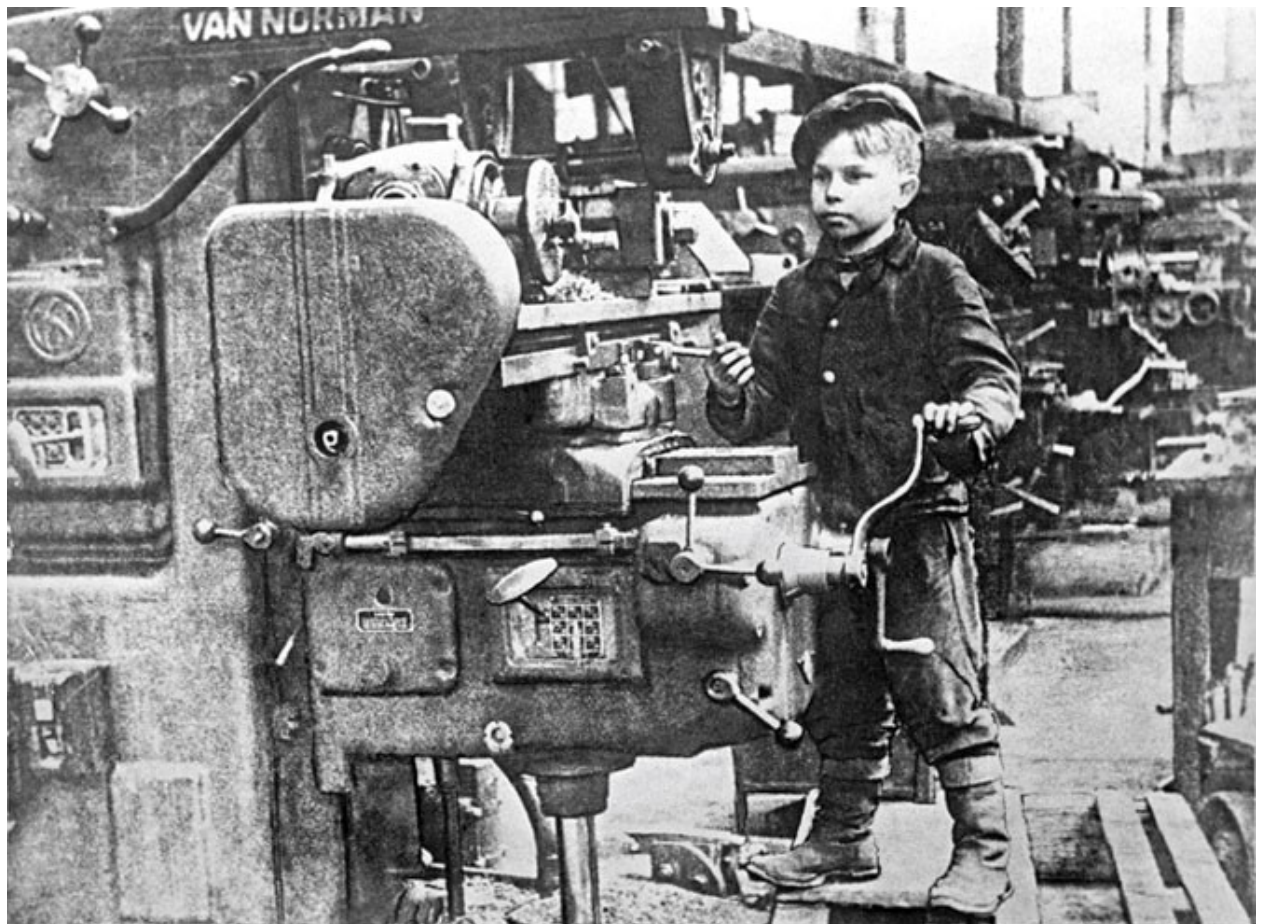
**Земля омыта слезами детскими,  
Детьми советскими и не  
советскими.**

**Какая разница, где был под  
немцами,**

**В Дахау, Лидице или  
Освенциме?**

**Их кровь алеет на плацах  
маками**

**Трава поникла, где дети плакали  
Дети войны боль отчаяния  
И сколько надо им минут  
молчания!**





**Ширяев Андрей Васильевич**

Родился 11 октября 1928 года в селе Красный Зилим Архангельского района Башкирии в многодетной крестьянской семье. В 1933 году родители, в числе инициаторов переехали на постоянное место жительства во вновь создаваемый в Красно-Зилимском сельсовете колхоз им. Сталина, в поселок Сталинск.

### **Мой вклад в победу**

Годы Великой отечественной войны я вспоминаю как какое-то невыносимо сложное, тяжелое и опасное время. Непосредственно на фронте в войне мне участвовать не пришлось, годами не дорос. А прибавить в возрасте, как тогда многие делали, ума не хватило. Но войну знаю не понаслышке, «хлебнул» ее, будучи солдатом трудового фронта тех военных лет, вдоволь, хотя и был, по возрасту мальчишкой, но работу пришлось выполнять трудную и огромную, вместо мужчин, ушедших на фронт защищать Родину, от немецко-гитлеровского фашизма.

Я трудностей не счесть сколько видел. Но ради приближения Победы, их не замечал. Я делал все, что мне тогда поручали. Мой вклад в победу с днями возрастал.

22 июня 1941 года рано утром я вышел из ворот своего двора на улицу. Кругом зеленеет трава – густая, пушистая... красотища! Из-за горы Могаш справа выкатывается огромное ослепительно-желтое солнышко. Кругом предутренняя тишина и спокойствие. У подножья горы пасется большое стадо колхозных коров, звеня колокольчиками, надеваемыми на шею наиболее беспокойным особам. Вот-вот, как обычно, породному зашумит улица: застучат ведрами хозяйки, закукарекают петухи, начнется обычное рабочее утро обычная жизнь.

Подошел ко мне наш колхозный пастух Порфирий Барышев и попросил покараулить вместо него стадо, пока он сходит в сельсовет за повесткой: «Война началась». Порфирий ушел и не вернулся. К сожалению, осталась молодая жена Настя – вдовой солдата, доченька Даша – сиротой. Помню, как в последующие дни из поселка провожали мужчин и взрослых парней. Провожали уже не на срочную службу, отдавать свой долг Родине, а на войну защищать Отечество. Мой поселок имени Сталина и рядом расположенный Соколовск стонали от женского и детского плача. Было конечно, слышно игру балалайки, гармоной и баянов, и песни ребят, уходивших на фронт.

Война – это людские трагедии, страшные страдания, горькие слезы. Это еще не заживающая досада... Какую же прекрасную жизнь колхоза, сужу по своему колхозу, разрушила война! Те четыре года были невероятного тяжелого труда, в голоде и холоде. Но и небывалого чертовского энтузиазма и патриотизма.

Я с огромным удовольствием вспоминаю предвоенные годы жизни нашего колхоза имени Сталина. Колхозники у нас тогда были активные, работали много, от зари до зари. Жили зажиточно, весело. Колхоз был богатым. В 1938 году колхоз был одним из лучших в Башкирии и стал впервые участником выставки на ВДНХ в Москве.

Я тогда мальчишкой участвовал в сельскохозяйственных работах. Вначале с мамой на прополке хлебов. Помогал ей вязать снопы, и даже сам вязал самостоятельно. До сих пор помню всю технологию этого интересного дела. Надо было сначала серпом срезать несколько стеблей для пояса снопа, выбрать стебли подлиннее, да помягче, затем скрутить пояс. Уложить его на ниву, да так, чтобы он не раскрутился. Затем жать стебли и уложить в сноп, аккуратно связать и унести в пестун – на временное хранение и для просушки. У нас в колхозе и первые пять лет после войны

сохранялся режим работы военного времени. Шло старательное восстановление колхозного хозяйства и нормальной жизни сельчан.

В 1941 году, проучившись одну четверть в 5 классе, был вынужден прекратить учебу, с согласия родителей, из-за резкого недостатка рабочих рук. В колхозе я двенадцатилетним подростком начал работать пастухом. Все годы войны в очень тяжелых и опасных условиях добросовестно работал. Приходилось исполнять непосильно тяжелую и иногда очень сложную работу. Работать часто приходилось в голоде и холоде, не считаясь со временем. Рабочий день от зари до зари, без выходных и праздников, а также отпусков.

Помню один случай. Осенью 1942 года, когда мне было 14 лет, председатель колхоза А. Кулаков пригласил в правление колхоза 6 несемейных женщин и меня. И сказал: «Поедете на лесозаготовки в Белорецкий район, будете возить из леса на берег реки бревна. Вы женщины поедете по две - парой, а ты, поедешь один, потому что мужчина!»

И я поехал, и работал в невероятно тяжелых условиях. Бревна были длиной 6 метров, двадцати, а то и более сантиметров в диаметре. Надо было погрузить их на сани, хорошо закрепить, чтобы дорогой воз не развязался. Была установлена норма, в кубометрах вывоза древесины. А тому, кто больше всех вывозил леса, ежедневно выдавалась премия. Вспоминаю, что и я несколько раз был победителем. Получал либо три литра керосина, либо три метра ситца. Это был очень хороший стимул к ударной работе. Приходилось работать и в качестве лесоруба, даже собирать плоты и сплавливать их затем по реке. Целый день в снегу, на морозе или холодной воде – на сплаве, да еще и при плохом, впроголодь питании. Все строилось с энтузиазмом под лозунгом: «Все для фронта! Все для Победы!»

Было очень тяжело работать, когда началась уборка урожая. Это была страда необыкновенная. Этот процесс в сельскохозяйственной работе самый сложный, требующий большого внимания к сохранению выращенного урожая. Особенно сбор снопов на гумно, где их скирдовали, потом обмолачивали. Дневной сбор снопов был чреват большими потерями зерна, снопы сухие, колоски обламываются и теряются, зерно обсыпается. Поэтому при хорошей организации работ снопы свозили, как правило, ночью, когда они немного влажные. А это значит, что днем

приходилось работать на одной работе, а ночью на другой. Это было очень тяжело и ответственно, но скажу откровенно, мне нравилось, так как это было рационально. А тяжесть и сложность опять компенсировали энтузиазмом: «Все для фронта! Все для Победы»

Не один год мне пришлось работать пастухом. Как это было сложно и вредно для здоровья, приведу пример. Обувь у нас была только лыковые лапти, летом с холстяными портянками, а зимой с шерстяными онучами. Зимой – то так сяк. Морозно, сухо, тепло и довольно удобно. А вот летом – наказание. Только сошел с крыльца дома на траву, роса и ноги мокрые на весь день. Этого неудобства сейчас не понять. Помню, какое-то время со мной пас коров москвич дядя Андрей, эвакуированный в связи с войной, то он скоро отказался. Трудно. Заболел. Он был взрослый мужчина, лет 55. Не мог терпеть, а мы мальчишки все переносили. Вспоминаю случай, я отдал свои учебники детям дяди Андрея, моим сверстникам. Они ходили в школу учиться, мы местные дети работали, ковали Победу над гитлеровскими захватчиками. И это было разумно: жаль эвакуированных москвичей, и мы жалели. И работали за себя и за них немощных для колхозного труда и без привычки.

Кроме большой и самоотверженной работы в колхозе, я вспоминаю, как много, много вечеров я готовил махорку (табак) для отправки солдатам на фронт. Целый вечер рубил топориком в деревянном корыте табак, после тяжелого рабочего дня. Это было очень накладно. Помню, плел я и лапти, чтобы сдавать куда-то в фонд помощи нуждающимся. Наша семья некоторые вечера посвящала подготовкам посылок на фронт: сухари, табак, носки и перчатки, носовые платочки и кисеты для табака. Это тоже был вклад в общую Победу. И так делал не я один. Мама пряла пряжу, сестренка Люба сучила пряжу, а старшая сестра Нюра вязала варежки и носки. С удовольствием вспоминаю, как мы заполняли посылку для солдат. Непременно клали табачок, сушеной картошки, морковки для заварки чая, вплоть до огородной мяты, для деревенского запаха от посылки. А какие красивые – вышитые гладью платочки и кисеты!

И так делали не только мы. Вспоминаю наши молодые посиделки, на которых наши девочки тоже вязали разные шерстяные изделия для отправки на фронт. И вот ведь как удивительно было, что девчата пели при этом частушки и веселые песни, с верой в победу. Это придавало нашим посиделкам веселье и

торжественность. Девочки шили незнакомым солдатам носовые платки и красивые кисеты для хранения махорки. И все это они делали от души.

Война потребовала и от нас, детей тех военных лет, огромного и тяжелого труда, терпения на производстве. Мы вносили огромный вклад в укрепление экономики страны, уплачивая много разных налогов с домашнего хозяйства. Значительно помогали обеспечивать Победу, изготавливая товары во внеурочное время. Мне очень «доставалось» и как мужчине в семье и как наиболее рослому среди сверстников колхозников.

Мы замечательно работали под замечательным, рационально организующим лозунгом: «Все для фронта! Все для Победы!» Мы с честью его оправдывали и гордились этим. Правильно в народе считается: «врага мы били и победили, не штыком одним и прикладом, а серпом и молотом тоже».

Война много исковеркала в нашей детско-юношеской жизни. Было тяжело, голодно и холодно, но я горжусь, что я рос в то трудное и жестокое время для моей страны, был непосредственным участником трудового фронта тех военных лет.

Не так давно один корреспондент задал мне вопрос: участвовал ли я в войне? Ответом стало написанное мною стихотворение, которое я предлагаю читателю.

На фронте не был, но войну я знаю  
Не понаслышке, в тылу я воевал.  
Не мог сказать я: моя хата с краю!  
И трудностей тогда не замечал.  
Я делал все, усталости не ведая,  
Мой личный вклад в Победу возрастал.  
Гордился своими я победами,  
В работе взрослых всегда я заменял.  
И вспоминая те года военные,  
Наполненные буднями работ,  
Не с грустью, а с любовью незабвенною  
И с гордостью за время тех работ.  
Мы знали, как враг бежит с позором,  
И приступом мы взяли их рейхстаг.  
И всем врагам пожизненным укором  
Победно реял наш советский стяг.  
Добилась наша армия Победы,



Покрыта славой вечной и святой.  
Мы все ж дошли – сквозь холод, кровь и беды,  
Там есть наш вклад – незримый, но большой!



• Андрей Ширяев - трудное военное детство



• Андрей Ширяев (в центре) среди сослуживцев

В 1950 году добровольно ушел на службу в ряды Советской армии, где прослужил 3,5 года. Все годы службы избирался и активно работал комсоргом роты. Удостоин многих поощрений командования, дважды поощрялся кратковременным отпуском на родину. В 1953 году демобилизовался в звании старшего сержанта с должности помощника командира взвода.

Возвратившись из армии, пошел работать на Уфимскую ТЭЦ-3 слесарем, а потом стал начальником ОКСа. Конечно, активно занимался общественной работой: секретарь первичной комсомольской организации, член Орджоникидзевского райкома ВЛКСМ, дважды избирался депутатом Орджоникидзевского райсовета. За активную работу был поощрен путевкой на Всемирный фестиваль молодежи и студентов, парашедший в Москве в 1957 году. Потом пришло время работы в профсоюзах, в этот период окончил Московскую школу профсоюзного движения.

С 1977 года моя судьба связана с Уфимским почтамтом, с Почтой России. Долго работал главным инженером Уфимского почтамта, а потом возглавил Республиканскую общественную организацию ветеранов Управления федеральной почтовой связи Республики Башкортостан.

В своей общественной ветеранской деятельности важнейшим направлением считаю работу по патриотическому воспитанию молодежи, прежде всего, школьников. Уроки мужества и Уроки письма проводил в школах Уфы и многих районов республики.

В мае 2017 года стал участником и дипломантом Всероссийского Форума серебряных добровольцев. На презентации региональных эффективных практик защитил проект «Проведение Уроков мужества, совмещенных с Уроками письма» как свое детище многолетней ветеранско-волонтерской работы.

Федор Тютчев написал прекрасные слова, которые должны быть девизом всех ветеранов, всех кто заботится о будущем нашей страны:

« И мы обязаны творить,  
Презрев все тяготы мирские,  
Чтоб истин светлых заложить  
Зачатки в души молодые ...»





### **Харламов Василий Александрович**

02 февраля 1935 года в многодетной крестьянской семье Харламова Александра Павловича, 1877 года рождения, и Харламовой Екатерины Тарасовны, 1894 года рождения, родился четырнадцатый ребенок, которого назвали Василий. На момент рождения Василия Александровича семья Харламовых проживала в деревне Николаевка Архангельского района БАССР. Всего в семье Харламовых было 15 детей.

В 1937 году родители Василия Александровича переехали на постоянное место жительства в село Архангельское. Великая Отечественная война 1941-1945гг, опалила семью Харламовых.

2 февраля 1942 года в боях за Москву около деревни Борисовка Шаховского района Московской области героически погиб старший брат Харламов Егор Александрович. 29 марта 1942 года в боях за город Ленинград в 3 километрах юго-западнее деревни Спасская Полнеть Чудовского района Ленинградской области погиб Харламов Иван Александрович. Ушедший на фронт третий брат Михаил Александрович пропал без вести. Гибель трех старших братьев, для нашей семьи была большой утратой.



### **Харламов Иван**

Иван на войну ушел в 19 летнем возрасте. Он работал в колхозе бригадиром тракторной бригады. С войны успел написать нам только два письма. В письмах он просил нас слушаться родителей и помогать им по хозяйству. Эти письма мы читали всей семьей и горько плакали.

Детство прямо скажем не сладкое было. Родители работали на колхозных полях с темна до темна. Еды в семье, как правило, не хватало, и нам, детворе, приходилось питаться желудями, варить похлебку из крапивы и лебеды.

Мама была очень строгая и честная, всегда говорила нам, чтобы мы были честными, добрыми и трудолюбивыми, сама приучала нас к труду. Если мама на работе, то старшие братья или сестра нас могли наказать. Вот такой я запомнил свою многодетную маму. Поднимала она 15 человек. Папа с мамой приучили с детства работать. Помню, папа сделал маленькие косы и научил меня косить. Я ходил с мамой в колхоз, возил копну сена, скакал верхом на лошади и за это мне ставили палочку, это называлось трудовень, а на этот трудовень нам выдавали зерно, сахар и так далее.

Помню, как мой старший брат Николай, он был инвалид с детства, брал меня с собой пасти коров. Я помогал ему заворачивать стадо, а он кормил меня. Год был голодный, а в семье нас было 15 человек. Однажды довели мы коров до леса, а там слепень начал их сильно кусать. Они хвосты подняли и в лес побежали. Я маленький бегал, бегал за ними и заблудился. Сильно устал, сел на пенек и заплакал, думаю, что же делать. Птицы вокруг поют, то зверёк какой пробежит, так одному жутко стало, и вдруг ко мне подходит огромная собака и давай меня облизывать. По началу я так испугался, но топом успокоился и привык, и к вечеру мы вместе с коровами вышел на окраину леса. А брат меня потерял. Я ему всё рассказал, а он меня ругает: «Ты, зачем в лес побежал, больше так не

делай!» Вот так постепенно я научился пасти стадо.

Собаку же я отдал брату Александру, он работал за фермой, охранял амбар с зерном. Вот там и охраняла моя собака, а хозяин изредка кормил ее, а зимой на ней дрова на санках возил. Помню однажды, зимой с братом поехали на быке в лес за дровами, мама договорилась спилить сухой вяз, мороз был за 40 градусов. Вот приехали и начали пилить, а вяз здоровый такой 9 метров высотой. Мы его сначала под корень спилили, а затем пили на сани по 2 метра. Пилим, а из дупла пчёлы как полетят, вылетают и сразу падают. Все пчёлы замёрзли, так было их жалко, но зато мы 2 вёдра мёда набрали. Привезли домой, сколько было радости, всю зиму чай пили и с хлебом кушали.

В 8 лет я пошел в 1 класс. Школа находилась на берегу пруда, а напротив через дорогу находился детский дом, со многими воспитанниками которого я подружился.

Годы были голодные, потому учеба у меня не очень гладко шла. Из школы приду, бегу к Коле пасти коров, знаю, что он меня накормит. Помогал бабушкам носить дрова и воду или убираться. Ну а вечером играли в разные игры.

В выходные ходил с мамой в колхоз, копны возил верхом. Кормили хорошо, варили суп с мясом и давали хлеб. Помню вечером едем домой, мама говорит, вот сынок мы сегодня с тобой заработали на двоих 3 палочки, 3 трудовня. За трудовни зимой давали зерно, пшеницу, горох, сахар и так далее.

В 1948 году я закончил 5 классов, мне исполнилось 13 лет. В это время скоропостижно умер отец. Школу я бросил и пошел самостоятельно работать: пас коров, косил траву. В 15 лет, в 1950



году, я поступил учиться на курсы столяров, где обучали, как работать на станках: фуговочном, рейсмусовом, пильном и др. Учили, как затачивать железки от фуганка, рубанка, колевки, топоры, стамески, как точить пилы лучковые, ножовки, пильные диски. Когда я приступил к столярной работе, я почувствовал себя взрослым. Но слова матери, я не мог забыть долго. Я так увлекся своей работой, что даже домой брал железо от рубанков и фуганков для правильной заточки. Учился дома точить, и правильно снимать фоску. А утром уже с готовым к работе инструментом начинал строгать.

Уже через год мы с Кузнецовым Володей закончили учебу на отлично. Помню нашего мастера Киселева, очень честного и добросовестного человека. Он похвалил нас с Володей, и сказал: «Вы будете хорошими мастерами». Через полгода я выполнил план на 130 процентов, и о нас вышла публикация в газете «Архангельский вестник». Нам даже выделили денежную премию за изготовление театральных стульев. Первую свою зарплату я, конечно, отдал маме. Когда мама увидела заметку обо мне в газете, сказала, что я ее не подвел и свои обещания выполнил на 100 процентов. Это было радостно. Помню, мамина сестра, моя теть Клава бежит с газетой и кричит: «Вася куда попал! Он в газету попал! Ему и премию дали!».



28 июня 1954 года я был призван в ряды Советской Армии и направлен на курсы молодого бойца в город Ужгород.

После прохождения курсов был направлен в Австрию, в мотострелковые войска. Через полгода службы в Австрии, когда ее

признали независимым государством, меня вместе с подразделением перевели для дальнейшей службы в Венгрию.

В 1956 году на территории Венгрии начался контрреволюционный мятеж. В течение трех недель я был участником подавления данного мятежа. После подавления мятежа, я был оставлен для дальнейшей службы в той же части. За участие в подавлении контрреволюционного мятежа в Венгрии 1956 года, приравнен к статусу участника Великой Отечественной войны.

В Советской Армии я прослужил 3 года 6 месяцев. После демобилизации 20 декабря 1957 года прибыл в свое родное село. Вернулся на старое рабочее место, где работал до призыва в армию.



**Василий с матерью и двоюродным братом Борисом**

В 1961 году переехал в Уфу, где продолжил работать столяром, а потом многие годы руководил бригадой наружной коммуникации, участвуя в строительстве объектов в разных районах Башкирии. Довелось даже строить аэропорт, железнодорожный вокзал и водопровод в г.Ульяновске. За добросовестное отношение к своим трудовым обязанностям я пять раз был победителем соцсоревнования, ударником Коммунистического труда, награжден орденом Трудовой Славы 3 степени, тремя грамотами министерства транспортного строительства РСФСР. За годы работы встретил очень много хороших людей, которым я благодарен за сотрудничество. Огромную благодарность хочу высказать хирургу Устинову Николаю Григорьевичу, который в течении суток собирал

на стальной стержень косточки моей травмированной во время строительной аварии ноги. Благодаря его мастерству и вниманию, я долгие годы могу ходить, жить полноценной жизнью.

В 1962 году я познакомился со своей женой Ниной Ильиничной, которая работала воспитателем в одном из детских садов Демского района г.Уфы. Моего сына зовут Юрий Васильевич.



**Семья Харламова В.А.**

После выхода пенсию в 1993 году в течение 10 лет возглавлял садовое товарищество, а затем на долгие годы окунулся в атмосферу ветеранского движения. Много внимания уделяю патриотическому воспитанию подрастающего поколения, заботе о ветеранах, пенсионерах Демского района.

За активную работу награжден более 20 памятными знаками и медалями различных общественных организаций



**Президиум Демского районного совета ветеранов**





## **Федоровы Алевтина Петровна и Ким Александрович**

### Сведения об авторах:

*Фёдоров Ким Александрович*, родился 05 октября 1936 г. в деревне Чуваши-Карамалы Аургазинского района Башкирской АССР. Отец — Фёдоров Александр Павлович, счетовод, в годы войны — гвардии старшина артиллерии, мама — Фёдорова (Артемьева) Васса Никитовна, учительница.

Врач-хирург, работал в городских больницах №1 и №6 (зав. отделением грудной хирургии), поликлинике медотдела МВД, городской поликлинике №44.

*Фёдорова Алевтина Петровна*, родилась 03 октября 1936 года в городе Уфе. Отец — Федотов Пётр Иванович, инженер, в годы войны работал на Уфимском парвозоремонтном заводе, мама — Федотова (Трефилова) Фаина (Фёкла) Тимофеевна, учительница.

Врач-эндокринолог, работала в Республиканской больнице, Республиканском Онкологическом диспансере.

Проживают в Уфе.

Публикацию подготовил их сын *Фёдоров Виталий Кимович*

**Фёдоров Ким Александрович**

**МОЯ ЖИЗНЬ В БИШКАИНЕ В ГОДЫ ВОЙНЫ**

### **Родина Фёдоровых**

Сохранившееся свидетельство о рождении показывает, что я родился 5 октября 1936 года в деревне Чуваш-Кармалы Аургазинского района Башкирской АССР. Название села ясно говорит, что уроженец его по национальности чуваш. Этот небольшой населенный пункт на этом исчерпал свои функции по отношению ко мне. Я там больше не был.

Мои детские и юношеские годы связаны с другой деревней, расположенной в шести километрах от первой. Это – Бишкаин, родина Фёдоровых, моя родина. Здесь я начал учиться, здесь получил свидетельство об окончании семилетней школы. Отсюда я три года ходил с товарищами в среднюю школу села Тряпино, которую окончил в 1954 году.

Дальнейшая моя жизнь переместилась в город Уфу, который стал мне также родным и дорогим.

По отцовской линии первым известным по имени является Хура Иван (Чёрный Иван). Он был первым крещеным в нашем роду. Мой дед говорил, что отца Ивана звали не церковным, а истинно чувашским именем. Черный Иван родился и жил, по-видимому, на стыке XVIII и XIX веков. Он или его дети переселились в Башкирию из Чувашии. Приобрели они участки земли у башкир, стали рубить лес и из тех же бревен строили дома. Так было положено начало деревни Бишкаин. Фёдор, сын Ивана, был дедом моего деда Павла. От него и образовалась наша фамилия. Произошло это так. Когда Павла призвали в армию, стали составлять списки новобранцев, а фамилии-то у него еще не было. Спросили, как зовут его деда. Услышав: «Фёдор», объявили: «Вот и будешь Фёдоровым». Случилось это примерно в 1890 году. Вот как выглядит цепочка Фёдоровых, если включать и моего сына: Хура Иван – Фёдор – Ефим – Павел – Александр – Ким – Виталий. Всего семь поколений на два века.

## В доме предков

Отца моего призвали в армию где-то в 1940 году. Жили мы в то время по разным деревням на частных квартирах. У матери с двумя детьми не оказалось ни кола, ни двора. Здесь добрые мои дедушка с бабушкой пришли на помощь, взяли нас с мамой к себе.

Это событие является для меня той гранью, когда началась моя осознанная жизнь. Что было до этого – не помню. Запомнилось первое впечатление от внутреннего убранства дедушкиного дома: чистота, желтизна некрашенных досок – стола, лавок, нар, потолка, полатей, пола. Стены бревенчатые тоже чистые. Печь побеленная – белоснежная.

Дом под соломенной крышей, окна маленькие: два на север - на улицу, и одно на запад - во двор. Внутри дома никаких перегородок. Над головой – широкие полаты. Лезть на них нужно было с печи. Мы, дети, там и спали. Под полатами нары, где спала наша мама. От этих нар вдоль стены сплошная доска для сидения – лавка. Вдоль противоположной стены такая же скамья, которая упирается в другие нары – место для спанья дедушки с бабушкой. От их нар к печке часть комнаты перегородивалась занавеской. Это уже кухонный угол. Из мебели - небольшой самодельный стол и стул, тоже самодельный.

Приусадебный участок деда составлял 20-30 соток. Небольшой клочок земли был садом. Там стояло несколько ульев-колодок, росла малина. Яблони померзли в суровую зиму 1941 года. Новых посадок не сделали – негде было взять саженцы. Был огород, где сажали картошку и сеяли коноплю. Земля была хорошая, черная, рыхлая, унавоженная. Картошка – основная пища наша, да и корм скотине и птице, росла прекрасно, набиралось ведро с двух-трех кустов. Ухаживали за ней тщательно. Важная техническая культура в крестьянском хозяйстве – конопля, из ее волокон ткалась почти вся одежда. А конопляные зерна шли на еду – добавляли в толченый картофель, в шанежки, в булки. Делали и масло конопляное, очень душистое, вкусное.

Из скотины держали обычно корову, одну-две овцы, козу, редко – поросенка. Иногда водились гуси. Всегда было с десяток кур с петухом. Была у деда лошадка. Выручала она, конечно, здорово – в заготовке дров, сена, доставке снопов, для поездок на мельницу, на базар. Конь наш был гнедой, уже немолодой, смирный,

медлительный. Однажды деда заставили выделить лошадь для работы в колхозе. Обращались с конем, по всей видимости, жестоко. Привели его вечером в поту, избитого. В ту же ночь он умер. Для деда и нашей семьи это была большая потеря. Похоронили коня в огороде, выкопав большую яму.

Перед домом был отгорожен палисадник. Там поднимался молодой тополь, росла акация и несколько малинок. Служил он защитой от недобрых людей, чтобы проезжали, проходили подальше от окон и ворот. Через дорогу стояла баня – обязательная принадлежность любого крестьянского двора. Во дворе был глубокий колодец, обложенный дубовым срубом. Доставали воду при помощи журавля.

Вот и всё хозяйство бишкаинского крестьянина.

### Дедушка и бабушка

Дед Фёдоров Павел Ефимович – основатель рода Фёдоровых, первый носитель этой фамилии, родился в 1870 году. Прожил 86 лет. Был он роста невысокого, коренастый, волосы чёрные, густые, глаза карие. Большая курчавая борода, в моей памяти – седая. Характером дед отличался очень спокойным, добродушным, тихим. Говорил мало, никогда ни с кем не ругался. С нами – с внуками, ровный, не ругал, не бил никогда. Может, и не за что было. Мы с братом росли смиренными.

Бабушка иногда ворчала на него, в основном за не очень строгое соблюдение религиозных обрядов. Но, в общем, жили они исключительно дружно. Ссор мы не слышали никогда. Прожили они вместе 56 лет.

Дед соблюдал все посты, праздники, молился, когда положено. Но всё делалось, по-моему, под руководством бабушки. Ежедневная молитва по утрам была у него очень простая: «О Боже, дай нам хлеба на сегодня!». Совершенно самостоятельно дед научился грамоте уже, будучи взрослым. Ему в руки попался текст знакомой чувашской песни. И вот, по тем словам разобрал, какими буквами записаны разные звуки. Читал дед бегло, хорошо, по просьбе бабушки в праздники Евангелие. Писал четким, средним по размеру букв почерком.

Дед славился как музыкант. Играл он на чувашском народном духовом музыкальном инструменте, который называется шобор. Без

этой музыки не обходилась ни одна свадьба. В годы войны свадеб стало мало, но шобор свой дед сохранял. Инструмент этот состоит из двух тростниковых трубочек-свистулек, длиной около 15-20 см, с дырочками для пальцев. Свистульки вставлены в деревянный кожух. К специальному отводу шобора прикреплен бычий пузырь диаметром 20-30 см. Инструмент имеет то преимущество, что играет без перерыва на вдох. Во время вдоха игра продолжается за счет выдавливаемого рукой воздуха из пузыря. Для придания эластичности пузырь смачивается, часто пивом.

Дедушка в числе примерно двадцати дворов в деревне не вступил в колхоз, был крестьянин-единоличник. Богачом не считался, но и бедным не был. В общем, середняк. Он часто повторял, как хорошо, что не выступил на сходке. Всё порывался сказать, но сдержался. По-видимому, тех, кто выступал против колхоза, раскулачили. Единоличникам выделили участок земли в самом дальнем конце территории сельсовета, где земля была самая неплодородная. Но трудолюбие помогало неплохо выращивать рожь, овёс, просо, горох. Пшеницу почему-то не возделывали. Но пшеничная мука всегда у нас водилась – для лапши, для пельменей.

Бабушка Елена Михайловна была года на четыре-пять моложе деда. Она была женщиной тихой, скромной, но с твердым характером. Худощавая, светловолосая, голубоглазая. Большой ее заслугой была чистоплотность. В окружающих семьях многие жили в грязи, болели трахомой. У бабушки в семье трахомой никто не болел. В доме всё прибрано, посуда чистая, одевались все чисто. У каждого – свое полотенце. Регулярно, раз в неделю мылись в бане.

Изготовление одежды, приготовление еды, уход за скотиной – всё это лежало на ее плечах. Она также участвовала в уборке урожая, работала серпом, вязала снопы, молотила, веяла. Она же сажала овощи, ухаживала за ними. Этим она также отличалась от односельчан. Выращивала прекрасные урожаи овощей, включая арбузы и дыни. Они были не очень крупные, но вкусные душистые. А тыквы доходили до гигантских размеров. Помидоры вначале были в деревне только у попа и нашей бабушки. Семена овощей бабушка заготавливала сама, излишки иногда продавала – за ложку морковных или огуречных семян брала яичко.

Бабушка была неграмотной, но уже в пожилом возрасте, более 60 лет, научилась читать. Ее старшая внучка Ольга показала ей буквы, и бабушка стала самостоятельно читать Евангелие,

напечатанное крупными буквами на чувашском языке. Читала она, правда, с трудом, медленно складывая из букв слова. Строго соблюдая все правила религии, бабушка очень расстраивалась, что мы с братом Женей не были крещены.

Умирала бабушка в 1953 году, по-видимому, от кровоизлияния в мозг. У нее внезапно отнялась речь, развился паралич рук и ног. Но сознание сохранялось до самой смерти. Всех родственников она узнавала, каждому сказала последнее слово. Перед самой смертью произнесла она шепотом, еле шевеля распухшими губами, обращаясь к нам с братом: «Креститесь».

### **Шоколад на гвоздике**

Возвращаясь с войны, папа привез нам гостинцы — по плитке шоколада. Мы с Женей, даже не попробовав его, завернули в бумагу, обвязали бечевкой и подвесили высоко на гвоздик — жалко было сразу съесть, хотя о шоколаде раньше и не слышали и не имели никакого представления о нем. Вот каким терпением и бережливостью мы обладали. Съели мы их не скоро, наверное, через несколько месяцев.

А ведь сладкого мы в войну видели мало. Редко нам давали колотый рафинад, какие-то конфеты-помадки.

Мёда у нас собиралось мало. У дедушки в саду стояло несколько ульев, в основном, деревянные колодки. Колодка — это дуплистое дерево диаметром около 50 см, высотой 1,5 метра, сверху и снизу заделанная досками. Сбоку просверлены отверстия для пчел, а также вырезана дверца примерно 0,5 x 0,3 метра. Внутри прибита поперечная палка, а к ней прицеплены соты. При медосборе эти соты просто вырезали. Позже стали ставить современные ульи — даданы.

Но в нашей памяти остались приятные воспоминания, связанные с мёдом и с соседом напротив. Дядя Егор Петров был мужик основательный. Крепкий дом, большая усадьба. Он и плотник, и охотник. И с пчёлами он умел обращаться. Ульев у него было много. И мёда он, похоже, собирал немало.

Дядя Егор приходился племянником моей бабушке. В первые дни медосбора он угощал мёдом всех детей нашей улицы. В этот день вся наша улица была полна жужжащими злыми пчелами. Они безжалостно жалили прохожих. Но мы, детишки, уже были приучены, ждали момента, когда нам дадут по куску сотового мёда,

который был больше приготовленного куска хлеба. Столько свежего мёда мы дома не видали. Может, удавалось попробовать одну-две чайные ложки.

Из сладкого мы ели печеную тыкву — это очень вкусная вещь. Вкусны были бабушкины пироги с тыквой, морковью и пшенной кашей вперемешку.

Парили в печке калину в горшке вместе с мелко нарезанной сахарной свеклой. Горшок закрывали тестом наглухо. А затем с этой пареной калиной пекли очень вкусные пироги.

Еженедельно, в день выпечки хлеба, из кислого теста пекли лепешки, мазали их растопленным маслом и ели горячими.

Пекли также шанежки. Особый специфический вкус имеют шанежки, когда в картофельное пюре добавляют молотые конопляные зерна.

Довольно часто были блины. С вечера варили пшенную кашу, на которой и заквашивали тесто, а утром пекли блины.

В особо торжественных случаях блины пекли из очищенной пшенной крупы. Отсеивалась белая мука из сердцевины пшена. Блины получались пышные, совершенно белые. Ели их с топленным маслом.

Супы были в основном из домашней лапши. Иногда варили капустные, гороховые супы. Лапшу всегда «белили» кислым молоком — катыком (по-чувашски турӑх).

Бабушка соблюдала все посты. В этот период мы, наверное, тоже ели постное. Мама, конечно, не соблюдала их, но, поскольку не ела вообще ничего жирного, у ней почти всегда был пост. А нам разрешали есть молочные продукты.

Из вкусных вещей запомнилась такая еда: конопляные зерна толкут, очищают, смешивают с хлебом. Получается вкусный сытный комочек.

Когда дед приезжал с мельницы или с базара, мы шарили по его карманам и находили кусочек засохшего черствого хлеба — остатки его завтрака, и с удовольствием ели. А он был вкуснее свежего хлеба.

## Раздувая угольки

Во время войны жилось трудно. Не хватало не только продуктов питания, но и мелочей, без которых также не обойтись. Были затруднения с солью, с керосином.

Чтобы экономить керосин, использовали самые маленькие самодельные коптилки. Жгли их открыто, без стекол, что тоже давало экономию. Да и стекол не всегда можно было достать. А может они были недоступны из-за большой стоимости.

Лампы-коптилки давали очень мало света. Делая уроки, тетрадь или книжку вплотную придвигали к лампе. Отойдешь чуть подальше — ничего не видно.

У наших соседей Еруслановых не было даже спичек. Они обычно после приготовления пищи оставляли крупные угли, прикрыв их золой. Угли тлели, в течение 5-6 часов не догорали. В обед из золы вытаскивали не затухшие угольки, подкладывали сухой мох или мелкие щепочки, и, раздувая их, зажигали огонь.

Мужчины пользовались старинным способом — высекали искры кресалом. Рядом подкладывали комочек «ваты», которая вспыхивала при попадании искры. А «вата» - это сердцевина сухого гриба-трутовика.

## Чернила из дубовых шишек

В годы войны очень плохо стало с письменными принадлежностями. Тетрадей ни у кого нет. Писали кто на чём — на листочках разноцветной бумаги, на старых книгах между строчек.

У мамы, наверное, сохранилось небольшое количество тетрадей. Когда они кончились, мы из листов белой бумаги шили сами тетради, линовали их. А когда отец с войны привез целый рулон белой бумаги, мы надолго были обеспечены самодельными тетрадями.

А в чем же мы носили свои книжки, тетрадки? Портфелей тогда не было. Школьникам шили сумки из холста — мешковины. Это — мешок с лямкой. Носили его через плечо.

Не хватало и чернил. Опять выручил мамин довоенный запас - «химические» карандаши. Мы их расщепляли. Стержень крошили, превращали в порошок, всыпали в бутылку. Затем наливали горячую



воду. Получались хорошие фиолетовые чернила, около полулитра из одного карандаша.

Позже, когда иссяк запас карандашей, нам пришлось использовать испытанный способ односельчан.

Собирали осенью дубовые шишки. Это такие зеленые шарики диаметром около 1 — 1,5 сантиметров — наросты на листьях (по-видимому, болезнь). Этих шишек соберем побольше, выжмем из них сок. В сок набросаем ржавое железо — гвоздей и всякую мелочь. Происходит реакция, образуются какие-то железистые соли чёрного цвета. Чернила готовы. Качество их оказывалось хорошим. Они чёрные-чёрные, стойкие.

### **Волки в капканах**

Во время Великой Отечественной войны диких зверей расплодилось немало. В лесах и полях, раскинувшихся вокруг Бишкаина, бегало много зайцев — беляков и русаков. Мы видели много их следов, да и самих тоже. Попадались также лисьи следы — ровные цепочки, словно бусы нанизанные.

В некоторые годы в зимнее время в деревню приходили волки. С вечера начинался вой собак по всем улицам. Они уже чуяли волков, притаившихся в ближайших лесах.

В те военные годы мужчин на селе осталось мало, а охотников — раз-два и обчёлся. Поэтому волки обнаглели, безбоязненно заходили по ночам в сёла. Там они находили, чем поживиться.

Лёгкую добычу представляли собой собаки. Как правило, этим дворняжкам негде было прятаться. Специальных конур им не делали. Жили они во дворах, а дворы плохо огорожены, да и заносились снегом так, что даже дома оказывались под снегом.

У некоторых и скотина содержалась в ветхих сарайчиках, куда волки могли свободно проникнуть.

У наших соседей во дворе жила низенькая собачка Маркусь. Сама чёрная, лохматая. Только мордочка рыжеватая, да брюшко светлое. Мы любили играть с ней. Маркусь был добродушный, а по ночам всегда лаял. Голос у него был сильный, как у большой собаки.

Однажды почти по всей деревне залаяли, завыли собаки. Затем стало тихо. Значит волки уже пришли в деревню и собаки не смели подавать голос. А утром мы вокруг наших домов на снежных сугробах нашли много крупных следов, похожих на собачьи. Это

были волчьи следы. Скотина наша не пострадала. А вот Маркусь исчез.

Охотник дядя Егор, уже немолодой, одноглазый, почему и не был взят в армию, высокого роста, с черными с проседью курчавыми волосами и небольшой бородкой.

Детей у них было много. Старшая дочь, кажется, Матрёна, работала где-то далеко, имела свою семью. Сын Яким служил в Армии, Макар — готовился. Моисей и Мария — старшие школьники. А Юна, Юнлена, училась со мной до окончания школы. Вениамин был дошкольник.

Семья дяди Егора жила зажиточно, чему способствовало его трудолюбие, здоровье, а также его увлечение охотой. Дядя Егор охотился на зайцев, лис, и даже ловил кротов в летнее время. Наверное, постреливал и лосей, о чем помалкивал. А когда поймает волка, всполошит всю деревню.

Обычно на волков дядя Егор ставил капканы. Попавшего в капкан волка он клал на сани, предварительно крепко завязав морду его то ли ремнем, то ли проволокой. И лапу волка он не спешил освобождать от цепких дуг капкана.

С живым волком дядя Егор разъезжал по всем улицам деревни, останавливался в разных местах, собирал вокруг себя массу народа, особенно ребяташек. Волки, я помню, были крупные, очень красивые, свирепые на вид. Шерсть густая, серая.

Дядя Егор демонстрировал также и живых лис, иногда даже одновременно с волком. Рассказывал невероятные случаи о том, как волк, попавший в капкан, перегрызал свою лапу и уходил.

В те годы за поимку волка колхоз выделял овцу. Получал, наверное, немалую сумму денег и за сдачу волчьей шкуры. За зиму он мог словить их до пяти и более экземпляров.

Сестра дяди Егора, женщина средних лет, жила в другой деревне. Она тоже увлекалась охотой. Как-то ее сфотографировали, увешанной шкурами волков и лис. Фотографию мы видели в районной газете.

## **Фронтвики**

Во время войны из армии никто не возвратился на нашу улицу. Шли одни похоронки. Погиб дядя Игнатий Яковлев, пропал без вести дядя Василий Фёдоров.

В конце войны первым появился шурин дяди Василия. У него было, по-видимому, какое-то ранение. Тут же его избрали председателем колхоза «Канаш».

Вскоре окончилась война. Мы еще были маленькие и не могли всего понять, но всё равно радовались. Мама нас повела в сельсовет, где было радио — ей самой хотелось услышать объявление окончания войны. Но мне ничего не запомнилось. То ли радио не работало, то ли мне было непонятно из-за незнания русского языка.

Стали ждать возвращения отца, но его всё не было.

Однажды ночью Женя проснулся, и чувствует рядом с собой человека. Он стал ощупывать подбородок незнакомца, но ничего не понял. Мы боялись, что не узнаем отца, совсем не помнили его. Но нам была известна одна примета — это небольшое углубление, рубчик под нижней губой.

Оказалось, что ночью приехал к нам дядя Игнатий Артемьев, мамин брат. Привез он гостинец — небольшой кусок лосятины. Мы впервые пробовали такое мясо. Дядя Игнатий заготавливал мясо для армии.

Возвратился из Армии далекий родственник Иосиф Фёдоров, троюродный брат отца. Дело было еще зимой, а он на удивление сельчан ходил в сапогах. «Замерзнешь, заболеешь!» - говорили ему, но он только смеялся: «Привык на войне!» А привычка не защитила его от простуды. Заболел. В деревне зимой без валенок нельзя.

К дяде Ивасику, как мы его называли, ходили стричься — он привез специальную машинку. К тому же он развлекал нас тем, что каждому мальчику мастерил свистульку. Состояла она из двух деревянных палочек, выструганных из щепок, между которыми закреплена натянутая тонкая полоска из бересты. Свистульки были маленькие, свистели тонко, но сильно.

Во время войны в деревне проводились кампании по сбору подарков для воинов действующей армии. В небольшие мешочки собирали посылки с теплыми вещами, как правило, это были шерстяные носки и варежки. Ценными были, я думаю, мешочки с рубленным табаком-самосадам. Отправляли также сушеные семечки. Посылки были без адреса, но на всякий случай вкладывали небольшие записки — а вдруг попадет своему сыну, мужу, брату.

В конце войны стали получать посылки уже в деревне — от солдат. Однажды я проснулся ночью от тревожного сна, но, поняв, что все опасности позади, успокоился. На всякий случай стал

хныкать. Мама проснулась, спрашивает, что со мной. А мне уже стыдно признаться, что плачу из-за сна. Говорю: «А что папа нам посылки не присылает?» Взрослые потом подшучивали надо мной.

Вскоре и посылки появились. Отец прислал две посылки с материалом — искусственным шелком. Мама из него шила нам рубашки. Помню один из материалов — белый в полоску, тонкие синие линии через каждый сантиметр.

Фронтовиков становилось всё больше и больше. Приезжали хромые, с искалеченными руками. Прибыл в конце 1945 года и отец, целый и невредимый. Из вещей, кроме двух плиток шоколада, помню хорошее шерстяное одеяло, легкий шелковый плащ самого папы, который мама испортила утюгом, а также коробку мясных американских консервов, которые потом отец съел сам, и рулон белой бумаги. Отец говорил, что в поезде у него украли чемодан, где был фотоаппарат, пистолет.

Некоторые фронтовики возвращались с личным оружием. Так, в честь возвращения отца собрались бывшие солдаты у нас, и во дворе стали соревноваться в стрельбе из пистолета. Отец хвалился, что стрелял метко. Как-то попал на фронте в стержень флюгера. Он прошел с боями по всем европейским странам, где были наши войска, а также в Монголии и Китае. За освобождение всех этих стран у него были медали. Более высшие награды у него — медаль «За отвагу» и орден «Красной Звезды». Звание у него старшина артиллерии.

Долго не отпускали дядю Николая, младшего брата отца. Он уже приехал в 1946 или 1947 году со своей молодой женой украинкой Ольгой Николаевной и сыном Сашей в возрасте не более года. Привез он нам туфельки в подарок, да не рассчитал. Ноги у нас оказались большие. Жене-то повезло — он стал носить «мои» туфли.

На фронтах Великой отечественной войны погибли близкие родственники со стороны отца и мамы, и со стороны моей жены.

Вот их имена:

Фёдоров Василий Павлович — старший брат отца

Яковлев Игнатий Николаевич — муж сестры отца Матрёны

Павловны

Артемьев Артём Игнатьевич — мой двоюродный брат

Васильев Федот Игнатьевич — мой двоюродный брат

Тимофеев Варцам Кириллович — неродной брат мамы

Маричев Борис Михайлович — двоюродный брат жены Али



Федорова Алевтина Петровна

## МОЯ ЖИЗНЬ В УФЕ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Хочется написать о том, как нашу семью коснулась война 1941 — 1945 гг. До 1944 года мы жили на улице Цюрупа, а в 1944 году переехали на улицу Комсомольскую.

### Жизнь на улице Цюрупа

Мы жили на первом этаже 2-этажного дома по улице Цюрупы, 86 кв.4. У нас 2 комнаты: зал, спальня, кухня, есть холодная вода в доме около входной двери. Все 3 окна выходят на улицу Достоевского, а так как дом стоит на углу, то из окон видна и улица Цюрупы.

Май, окно в зале открыто. Мама стоит в зале, гладит папину футболку. От нее исходит волнующий запах свежести, духов, запах натурального шелка. Он запомнился мне на всю жизнь. Мне очень радостно, весело, мы собираемся куда-то то ли на демонстрацию, то ли просто гулять.

А вот опять лето, это или начало войны — 41 год или 42 год.

Обе улицы запружены народом, это молодые парни и девушки, они стоят и сидят, переходят с места на место, разговаривают, смеются. Солнце светит, жарко, они просят воды напиться, я бегаю на кухню и приношу им воду.

На улице Цюрупы среди этой массы народа стоял планер, а около него ребята учились бросать учебные гранаты. Гранаты высекали искры на булыжной мостовой. Потом улицы опустели.

Потом начались воздушные тревоги. Было страшно — завывала сирена, гасли огни, по радио говорили: «Воздушная тревога! Воздушная тревога!» Это значит, надо было закрыть окна черной тканью, нигде не зажигать свет, а если зажигать, то ни одной щелочки не должно было оставаться, чтобы свет не вырвался, не показался на улице. Если свет был виден, то с улицы по раме окна раздавался громкий предупреждающий стук: «У вас виден свет!» Научились жить при синей лампочке.

Для экономии электроэнергии не разрешалось в доме включать плитки. Но у нас была плитка большая квадратная, состоящая из 2-х камней. Спираль была открытая, часто перегорала, но ее соединяли и всё шло своим чередом. Чтобы нас не застукали контролеры, у нас был условный стук в дверь: стучать 3 раза кулаком.

Первые годы у нас были какие-то запасы продовольствия. Помню, что мы делали пельмени из серой муки с картошкой и капустой, я катала лепешки бутылкой. А к Новому году нам клали в печную вьюшку даже мандарины, завернутые в тонкую папиросную бумагу.

Мамина сестра тётя Настя работала всю войну поваром в авиационном институте. И однажды она принесла нам вяленые помидоры, они были без кожицы в виде темно-красно-коричневого комка, подсолённые, мягкие и такие вкусные!

Наконец, запасы кончились, и мама стала продавать наши игрушки, чтобы купить еду. Была красивая коричневая глиняная корова, был нежно-сиреневый резиновый слон — они ушли на базар. Потом она стала продавать свои наряды — платья, туфли, кофточки, шляпки...

До войны мы жили хорошо. Папа работал на военном паровозоремонтном заводе (ПРЗ) инженером, его 6 раз забирали на фронт, но завод отстаивал его, у него была бронь.

Когда родители уходили, и, если это была зима, мы с братом Сергеем забивались между окном и шифоньером и стояли там, пока мама не придет. Мы боялись, очень боялись выйти оттуда, боялись шелохнуться, взглянуть в окно. Вот боялись и всё.

А летом мама оставляла нас с братом на улице. Здесь уж мы ничего не боялись. Ходили по улице Цюрупы до улицы Революционной и до улицы Сталина доходили, гладили шары, которые стояли на ступеньках на углу ул. Сталина и Цюрупы. Они были каменные, мы тужились их стронуть с места, но не тут-то было.

Нас преследовало постоянное чувство голода, всё время хотелось есть. Мы подбирали огрызки яблок, огурцов, корки и тут же съедали. Кроме того, собирали «лепешечки» какого-то растения, листья которого походили на герань. Оно росло везде, больше всего было на газонах под американскими клёнами, которыми была засажена Цюрупа. Я набирала целый карманчик этих лепешечек, а потом все сразу съедала.

После такой еды у нас появились глисты — аскариды. Выводили их цитварным семенем. Когда шли приготовления этого «угощения» у меня падало настроение, наверное, как у человека перед расстрелом. Я плакала, забивалась под кровать. Меня насильно приволакивали, сажали за стол, кто-то держал мою голову и руки, кто-то заставлял открывать рот и толкал мне это цитварное

семя с мёдом в рот. Это была такая горечь, такая горечь! Я больше в жизни не ела ничего более горького! В 5 и 6 классе меня трепала малярия, я пила хину и акрихин, но там проглотишь, запьёшь водой, и всё, горечи нет.

А здесь ложка за ложкой, ложка за ложкой, без передышки и всё горько и горько! О, о...! А потом всё вокруг вдруг становилось жёлтым — шторы, окна, стены, всё было жёлтым.

Через 20 лет, учась в мединституте, я узнала, что жёлтое — это было отравление цитварной полынью. То-то до сих пор на УЗИ печени меня всегда спрашивают: а у вас не было отравления чем-нибудь? А я уж и забыла про цитварное семя, и всегда говорила — нет, не было. А от глистов мы избавились.

### Эвакуированные

Наверное, в 42-м году нам подселили эвакуированных из Севастополя. Это была семья из 3-х человек: мать Евдокия Марковна, ее дочь Женя и зять Олег. Евдокия Марковна — женщина лет 45, полноватая, очень подвижная, активная, как потом оказалось, очень скандальная, очень быстро познакомилась с уфимскими спекулянтами и начала чем-то торговать. Женя сидела дома, по-видимому, она была беременная, а Олег был военный и уходил на свою работу.

Они заняли зал, привезли очень много вещей, посуды. У них всё было дюжинами — 12 комплектов постельного белья, причем пододеяльники были украшены алыми лентами, которые были пропущены по бокам, а на углах оканчивались большими бантами, 12 пар нательного белья, много кофточек у Жени.

Одна кофточка была с вышивкой, она потрясла наше с мамой воображение. Белая, без воротника, с пышными рукавами. Ворот был обвязан голубыми нитками, впереди петель вырез, и он завязывался голубыми из ниток завязочками, а на их концах были помпончики из белых и голубых ниток. На рукавах и вокруг петли шла вышивка из каких-то блестящих шелковых ниток. Рисунок был незатейливый, но такой красивый, что мама пересняла его на кальку с указанием цветов, а я потом его вышила нитками мулине на своей белой кофточке и фасон сделала такой же.

Женя потом родила ребенка, которого меня иногда просили покачать. Рядом с люлькой ребенка был столик, где у Жени лежали



ножницы, зеркала, расческа и губная помада. Мы с Сергеем измазались этой помадой — губы, щеки, руки. Ох, и попало же нам тогда от папы. Впервые он положил меня на табуретку и выпорол своим тяжелым ремнем. Всё, больше я в жизни не брала ничего чужого, а Евдокия Марковна стала подпирать дверь в нашу комнату папиным баяном, чтобы мы не выходили без родителей из спальни.

Еды нам никакой не оставляли, а есть хотелось всё время. Мы обследовали всю спальню. Из съедобного нашли нафталин, его поели, он был хрустящий безвкусный, но с сильным запахом.

У нас с Сергеем на ногах на голених появились какие-то мокнущие язвы. Может это было от недостатка витаминов. Язвы были упорные, никак не кончались. Каждый вечер начинались перевязки. Язвы смазывали болтушкой, потом бинтовали. Так вот в один из дней, когда мы были одни, мы добрались до болтушки, она была сладкая, но, к сожалению, быстро кончилась. Мы ее съели.

Мама тогда работала учительницей и приносила домой исписанные тетради. Давала нам карандаши, и мы закрашивали буквы разноцветными карандашами. Боже, как мне нравилось это занятие!

Следующим для нас занятием в отсутствие родителей был просмотр Малой советской энциклопедии. Папа грозил пальцем, говорил очень строгим голосом, чтобы мы не муслякали страницы, относились к ним очень бережно, не чиркали, не рвали, очень осторожно перелистывали. Вот эти занятия были такими увлекательными: папуасы, заморские птицы и рыбы, географические карты материков, фотографии людей и цветные и черно-белые репродукции знаменитых картин! Мы забывали о голоде, о времени, всё смотрели и смотрели. На всю жизнь у меня появилась любовь к книгам, музеям, словарям.

Так вот об эвакуированных. Евдокия Марковна так расхозяйничалась, что мы потеряли право проходить в кухню, если она стирает или готовит, она придиралась ко всему, и однажды в маму запустила эмалированную чашку с тертой морковью. Чашка не попала маме в голову, но попала в косяк, оставив там большую вмятину. Родители обратились в милицию и их очень быстро выселили от нас.

Одновременно с севастопольцами нам подселили в зал еще одного человека. Он не был эвакуированным, он был командированным в Уфу. О нем никто ничего не знал. За ним утром

приезжала машина, а вечером его привозили спать. Звали его Борисом Аркадьевичем. Так как он приехал на несколько месяцев, то привез посуду и бельё и всё это отдал на хранение Евдокии Марковне. Когда он стал уезжать, она заявила ему, что он ничего ей не оставлял, у нее ничего нет, и так он уехал ни с чем. Спал он на кровати между шифоньером и кухонной стеной.

Но вскоре нам подселили новую семью из Рыбинска. Это была старая еврейка, ее сын и его жена. Это были очень интеллигентные люди, жили мы с ними как с родными людьми, очень дружно. Но они жили мало, уехали домой. Больше нам никого не подсеяли.

### Детский сад

Мне было 6 лет, а Сергею 4 года, когда нас устроили в детсад железнодорожников. Он находился на углу Достоевского и Гоголя, наискосок от тюрьмы. Мы ходили одни за ручку. Шли сначала по правой стороне Достоевского мимо пекарни Лютова, потом мимо поповского дома, доходили до улицы Ленина, шли мимо завода пишущих машин, потом переходили на другую сторону, поднимались по ступенькам.

Садик был одноэтажный, но стоял высоко. Как было хорошо в садике! Чем кормили не помню, но давали чёрный хлеб, и было такое счастье, если попадалась горбушка — во-первых она была чуть толще остальных кусков, а во-вторых она была твёрдая, ее можно было долго есть, грызть.

Спали на полу. Я никогда не спала в садике и дома днём никогда не могла уснуть. Во время мёртвого часа воспитательница Лариса Ивановна читала нам книги. Помню про чёрную курицу, она долго была моей любимой сказкой.

В садике мы лепили из глины, рисовали. Самыми любимыми цветами были красный, синий и желтый, а если рисовать самолеты и корабли, то черный и красный. Я так любила рисовать коричневые камыши с зелеными листьями, голубую воду, зиму с сугробами, оранжевые огоньки в домах.

Мы танцевали, правда, без костюмов, но под музыку: русский, татарский танец.

Что еще помню из садика? Как-то раз повели в кино на картину «Багдадский вор». Ходила в детсад я, наверное, год, потом не ходила.

## На улице

А теперь о дворе, где хранились шасси от самолетов и сыворотка крови. Склады не очень-то закрывались. Мы проникли в маленький деревянный домик и увидели, что он до потолка забит какими-то ящиками. Внизу был незакрытый ящик, там лежали какие-то ампулы. Мы, конечно, разбили несколько штук и от них сразу появился как нам тогда показалось, страшный неизвестный резкий запах. Мы убежали, но поняли, что это как-то связано с больницей. Потом этот запах появился вновь, когда в мединституте мы изучали определение групп крови. Это были сыворотки для установления группы крови.

Больше в этот домик мы не залезали. А рядом с ним лежал целый штабель щипцов для хватания зажигательных бомб. Они были тяжеловаты для нас, мы немного растащили их, но играть ими было совершенно невозможно. Они были оставлены в покое.

А вот мягкие прыгучие резиновые шасси мы затаскивали на крышу склада и бросали их вниз. Они огромными скачками скакали по двору, было интересно, весело и как-то жутко — как такие большие шары один раз коснувшись земли, скакали и скакали дальше.

Мы подрастали и осваивали окрестности. Ходили по Достоевского до Сов.больницы. Там обнаружили свалку с окровавленными «руками» и «ногами». Сов.больница во время войны была эвакогоспиталем. А это были снятые гипсовые повязки, которые накладывали раненым, когда надо было фиксировать раненую конечность, и выбрасывали недалеко от хирургического госпиталя. На этом месте теперь диагностический корпус в 9 этажей.

Бегали мы через дорогу по улице Достоевского. Там были деревья, небольшой овражек, а над ним стоял домик, где жила очень бедная семья и было много детей, в доме было пусто. Самому маленькому положено было есть манную кашу. За этой кашей мы ходили в детскую консультацию целой ватагой. Почему? А вот почему. Один мальчик из этой семьи нес кружку примерно на 200 гр. Кружку наливали полную, и он давал всем лизнуть из этой кружки

необыкновенно вкусной манной каши. То ли мы были голодные, то ли каша действительно была очень вкусная, но с тех пор и почти на всю жизнь самой любимой, самой вкусной, всегда желанной была манная каша — дома ли, в больнице ли. Она была какая-то крупинчатая, тугая, наполненная. Не то что сейчас. Не крупа, а мука манная, и получается не каша, а какой-то кисель.

А еще мы бегали напротив по Цюрупа смотреть, как в пекарне Лютова замешивают хлеб руками.

Летом на углу улицы Сталина и Цюрупы напротив красного кирпичного здания (теперь министерство юстиции, а раньше овощной магазин) открывался летний ресторан. Место это было на возвышении, обнесено забором, и по вечерам оттуда доносилась музыка, смех женщин, запах хороших папирос! У меня почему-то замирало сердце, когда мы проходили мимо, мне хотелось туда, где много света, музыки, смеха, прекрасных запахов! Мне казалось, что там находятся необычные, очень красивые и счастливые люди!

### **Покупка дома на улице Комсомольской**

Дома есть было нечего, всё, что можно продать, было продано. И тут какой-то колхоз покупает у папы железную лодку, которую, наконец, он закончил клепать. Ему, колхозу, нужно было переправлять колхозников через реку, чтобы заготовливать сено и т. д.

Они предложили 25 тыс. рублей и пуд соли за лодку. Папа согласился. Неизвестно, сколько еще продлится война, надо купить землю, чтобы хоть картошка была в доме.

Итак, лодка продана, 25 тыс. есть, пуд соли есть. Папа с мамой решили купить дом с огородом, а квартиру папа отдал своему брату дяде Сереже.

Вообще, мы дошли, что называется, до ручки. Дома есть нечего. Мама дает нам коричневую кастрюлю на 2 л и посылает на улицу Крупской в мемориал В.И. Ленина. Там росла хорошая крапива, ее там было много, она заполнила все места, а взрослым рвать ее не разрешали. И вот мы вдвоем с Сергеем идем туда, нас пропускают, мы рвем крапиву — полную кастрюлю набираем. А дома мама варит суп — вода, соль, крапива.

За теперешним Сельхозинститутом нашли домик. По улице Володарского жила семья Храмовых, а на задах у них был их же

участок в 10 соток с домиком, выходившим на ул. Комсомольскую. Этот домик с 3-мя окнами — 2 на улицу, одно во двор, Храмовы использовали как баню, которую топили по-черному. Стены закопченные, из всех щелей валит дым. Домик купили осенью 1944 г., жить в нем нельзя было, печку перекладывать было уже поздно, и мы угорали страшно, поэтому жили временно у дяди Сережи на полатах на кухне, так все четверо и спали там.

### **В школу и из школы**

Оттуда я ездила в школу на трамвае, в школу №7, где работала тетка — жена папиного брата Сергея Ивановича Мария Игнатьевна, учителем младших классов. Это была женская 10-летняя школа на улице Бабушкина. Садилась на остановке «Улица Пархоменко», потом «Заводская», потом «Типография», а потом моя - «Базарное кольцо».

В школу я пошла в голубом платье и красной кофте, в руках холщовая сумка, потом из фанеры ранец.

У дяди Сережи была охотничья собака — спаниель, серо-белый с черными пятнами, звали Баян, Баяшка. Ласковый был, должен был в квартире сидеть, а я не сумела его удержать, он выскочил и за мной. А на улице была грязь, я в трамвай, он за мной. В вагоне народу много, он шныряет под ногами, люди кричат — чья собака? она мне все ноги испачкала! Я молчу ни жива, ни мертва. Вышел вместе со мной, пришел в школу, он грязный, в класс, меня ругают. В коридоре его встретила тетя Маруся — Баяшка, ты откуда? Поругали меня.

Обратно ехать домой было сложнее. В трамвай с передней площадки набивались раненые — кто на костылях, кто с прямой ногой в гипсе, кто с отведенной рукой в гипсе, кто с палкой. Все в белых рубашках, в кальсонах. Это они из госпиталя сбегали, чтобы на трамвае покатаются, город посмотреть.

Мне надо было выходить на остановке «Улица Цюрупы», а я стесняюсь, пока пролезаю, трамвай трогается, я реву, еду до следующей остановки «Улица Ленина». Хоть и бегала в эти края и знакомое всё, а всё равно страшно, как будто бы еду и уеду неизвестно куда. Да и раненых в гипсе боялась — они во всем белом, как живые памятники.





**Халфина (Галеева) Флёра Гарифовна**

Родилась 13.02.1938 года в деревне Малое Русаково Кайбицкого района Татарской АССР. Закончила Казанский медицинский институт в 1961 году. Заслуженный врач Республики Башкортостан. В настоящее время проживает в г.Уфе.

### **Воспоминаний льется ручей**

Оказывается, память - вещь очень своенравная: что хочет, то и делает. Я думала, что решето моей памяти уже совсем продырявилось и воспоминаний никаких не осталось. Ан, нет! Память моя то и дело возвращает меня к тем далёким военным и послевоенным годам, - забыть их, видимо, просто невозможно.

Когда закончилась война, мне было 7 лет, и я хорошо помню последние военные и первые послевоенные годы. Некоторые детали, возможно, запомнились со слов родителей и старших сестёр.

У нас в деревне не было ни радио, ни телефона, поэтому радостную весть о Великой Победе нам принесли из соседнего села, где располагался сельсовет, и была рация.

Во время урока 9 мая 1945 года учительница радостно сообщила нам: " Дети, война закончилась! Мы победили! Бегите домой, обрадуйте своих родителей! " А на улице уже было полно

народу! Как радовались и ликовали люди - простыми словами описать это невозможно! Обнимались, целовались, плакали, смеялись!

Помню, одна женщина упала в обморок - у неё, да и не только у неё, был "праздник со слезами на глазах", так как она получила похоронку и на мужа, и на единственного сына. Вообще в деревне не было ни одного дома, куда бы ни заглянула эта страшная война. Стихийно возникла праздничная демонстрация, пели песни, плясали, благодарили Сталина! В основном, конечно, были женщины, подростки и дети, потому что взрослых мужчин в деревне не осталось, а оставшиеся в живых ещё не вернулись.

Праздник продолжился вечером в клубе, совместно накрыли столы: кто-то принёс картошку, кто-то чёрный от лебеды хлеб, кто-то квашеную капусту, солёную кильку, лук.

Представитель райцентра поздравил всех с Победой, поблагодарил за помощь фронту. Наш Кайбицкий район, в том числе и жители нашей деревни, собрали 1 миллион 300 тысяч рублей денег. На эти средства был построен тяжёлый бомбардировщик "ПЕ-8", на котором бил фашистов известный лётчик авиационной дивизии Татарстана Владимир Обухов. На корпусе самолёта было написано "Кайбицкий колхозник". Лично сам И.В. Сталин прислал жителям района благодарственную телеграмму!

В колхозе в основном работали женщины и подростки. Это они пахали, сажали картофель, свёклу и морковь, сеяли рожь, пшеницу, гречиху. Весь собранный урожай сдавали государству. Большую часть урожая с личного подсобного хозяйства также сдавали государству... Работали, как говорится, от зари до зари, но никто не жаловался, не роптал, хотя сам они все были полуголодными! Лишь бы победить врага!

Ранней весной даже мы, 7-8 летние дети, отправлялись в лес собирать сныть, мох и мягкую кору деревьев, выкапывать луковицы цветков - медуниц, всё это использовалось в пищу (я и сейчас помню горький вкус луковиц медуницы). А цветочки медуницы были сладкие как мёд, мы их тоже ели. Варили суп с крапивой и снытью на молоке, - было очень вкусно. Ели мы очень много трав: лебеда, сныть, сергиебус, черемша, стебли конского щавеля, стебель и корень "козлиной бороды". Стебли "козлиной бороды" надо было кушать очень осторожно, откусывая зубами, ни в коем случае не дотрагиваясь губ, иначе на губах прямо на глазах появлялись



болезненные волдыри. А как же терпели наши желудки? Не знаю. Из зёрен лебеды делали муку и добавляли в тесто, отчего хлеб становился почти чёрным. Когда весной лопатой копали свой огород, большой радостью было, если вдруг появятся перезимовавшие мёрзлые картофелины. Их тщательно разминали, добавляли туда немного муки и лебеды, - и жарили оладьи на рыбьем жире.

Где-то в 80-ые годы прошлого века кажется свердловские учёные доказали, что лебеда является хорошим стимулятором иммунитета. Может быть, она в какой-то степени и помогла выжить в те суровые голодные годы. Наша мама выбрала хорошую тактику, золотую середину - мы никогда не наедались досыта, но и не голодали. Сколько человек умерло от голода, я не знаю, но знаю точно, что их было немного. Всё-таки деревенским жителям было легче выжить, чем городским. Помню только, как умерли от голода две мои сверстницы - близняшки. Я часто их угощала, делилась своим обедом, а когда они начали сильно полнеть, решила, что они не голодают, а обманывают. Я же не знала тогда, что это были безбелковые отёки! Простите меня, милые девочки! Я помолюсь за вас!

Почти всех колхозных лошадей отправили на фронт. В деревне, кажется, была только одна лошадь, поэтому часто в плуг часто впрягались сами женщины: между оглоблями двое, по обе стороны ещё по одной, сзади ещё одна держала собственно сам плуг - и пахали! Ох, как это было тяжело! Они падали, опять вставали и пахали, они и плакали, и смеялись, пели песни, придумывали себе лошадиные клички (пишу с трудом, из глаз текут слёзы). Помню, что сажали много моркови: мы её ели и в свежем виде, и на зиму сушили, нарезав тонкими полосками. Это были и конфеты, и заварка! Сахара не было, но когда мне наливали чай, я долго размешивала ложечкой, хотя там не было ни грамма сахара, и чай мне казался сладким...

Хорошим подспорьем было, конечно, то, что у некоторых были коровы, овцы, куры. Но и на них было 2 напасти: летом на них часто нападали волки (их стало очень много, видимо, перебежали с запада, где шла война, да и стрелять в них не было мужчин). А зимой были свои трудности - их трудно было прокормить, так как запастись сеном вдоволь у жителей не было ни сил, ни времени, ни возможностей. А зимой полноценным питанием для нас были лесные орехи - их в наших лесах было видимо - невидимо! Везли их

из леса по несколько мешков на телеге, потом вылущивали, и жарили или сушили. Съешь зимой одну горсть орехов - и ты сыт. Электричества тогда ещё не было, часто зажигали лучину (строгать лучины из полена также было нашей детской обязанностью). Были керосиновые лампы, но мало было керосина. Керосиновые лампы зажигали в основном, когда вязали носки и перчатки для солдат - отправляли на фронт. Свои первые носочки я связала себе, когда мне было 6 лет. И до сих пор я снабжаю вязаными носками своих детей, внуков, соседей, друзей, их внуков. Носки, конечно, сейчас можно купить любые, но ведь в моих носках есть ещё и тепло моих рук! А дарить тепло людям я просто обязана, - ведь сколько добрых людей наряду с моими чудесными родителями, сёстрами и братьями помогли мне выжить в те трудные послевоенные годы!

70 лет без войны! Какое же это Великое Счастье! Но я до сих пор не выбрасываю со стола ни единой, даже малюсенькой крошки хлеба - соберу их пальцами и с аппетитом съедаю! До сих пор, увидев людей старше меня, я здороваюсь с ними, низко склонив свою седую голову, ибо безмерна моя к ним благодарность! До сих пор не могу спокойно пройти мимо плачущего ребёнка или взрослого, потому что видела очень много горьких слёз!

Отрадно, что 8 мая в нашей деревне открыли памятник павшим в Великой Отечественной Войне! Но было бы справедливо, если бы рядом с этим памятником стоял бы и памятник труженикам тыла, без самоотверженного труда которых невозможна была бы эта Победа!.. Никто не забыт! Ничто не забыто!

(Опубликовано в журнале «Аграрная тема», №4(69),2015 г.)

#### Дополнение от редакции

Вот что о событиях, описанных Флёрой-ханум, напечатала в мае 2015 года районная газета «Кайбицкие зори». Публикацию даем в сокращении, имея в виду, что первоисточником является газета того же района, но периода Великой Отечественной войны - «Колхозная бригада». Там опубликована информация, что 24 февраля 1944 года руководители Кайбицкого района отправили телеграмму председателю Государственного комитета обороны И.В. Сталину:

*Дорогой Иосиф Виссарионович! Воодушевленные блестящими успехами Красной Армии и желая всеми силами помочь фронту быстрее разгромить немецких захватчиков,*

*колхозники и колхозницы Кайбицкого района Татарской АССР собрали из личных сбережений 1 миллион 300 тысяч рублей в Фонд победы Красной Армии. Просим на собранные средства построить тяжелый бомбардировщик «Кайбицкий колхозник» и передать в гвардейскую часть.*

*Секретарь Кайбицкого райкома партии Гатин, председатель исполкома райсовета Закиров».*

Сталин одобрил святое желание трудящихся Кайбицкого района. Ответное послание не заставило себя ждать. В адрес руководителей района пришла телеграмма такого содержания:

*«Секретарю Кайбицкого райкома партии товарищу Гатину, председателю исполкома райсовета товарищу Закирову. Прошу передать колхозникам и колхозницам Кайбицкого района, собравшим 1 миллион 300 тысяч рублей на постройку тяжелого бомбардировщика «Кайбицкий колхозник», мой братский привет и благодарность Красной Армии. Желание колхозников и колхозниц Кайбицкого района будет исполнено.*

*И.Сталин».*

Тяжелый бомбардировщик «Пе-8» под заводским номером 42212 изготовили в Казани на заводе №22. В мае 1944 года он был торжественно передан экипажу гвардейской авиачасти. Для этого, как свидетельствует статья в «Боевом листке», туда приехали представители Кайбицкого района Яковлев, Фаизова и Хайруллин.

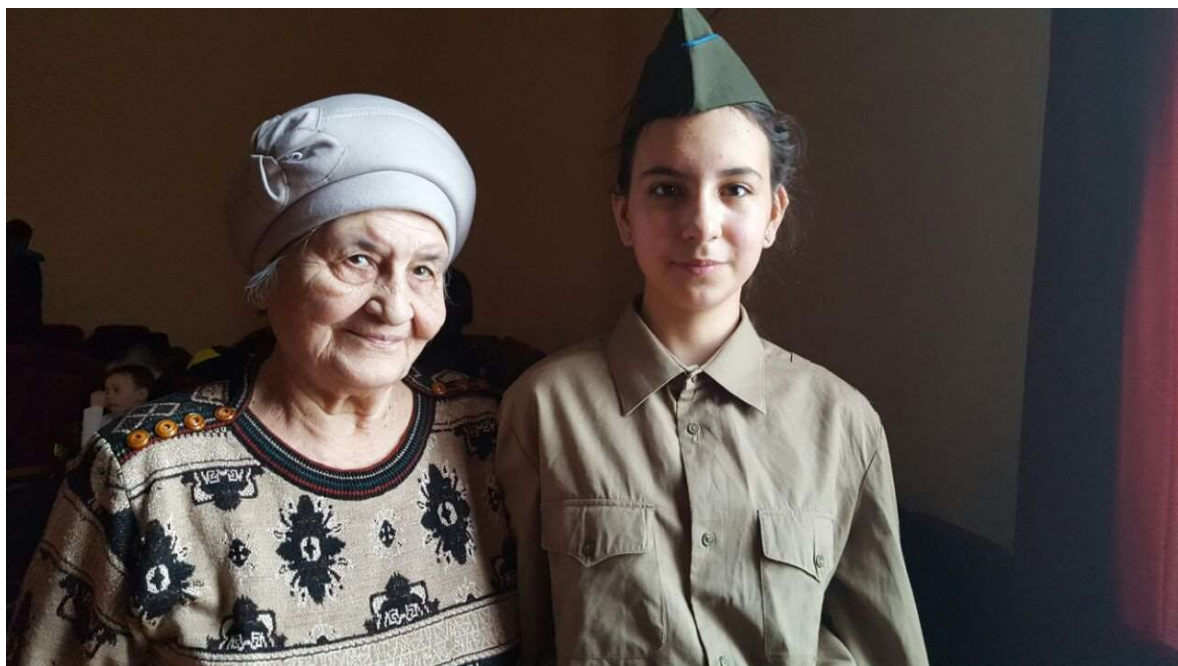
Самолет попал в опытные руки. Экипаж, состоящий в общей сложности из одиннадцати человек, возглавлял уроженец Ижевска, заместитель командира эскадрильи 25-го гвардейского авиаполка 45-й авиадивизии гвардии майор, Герой Советского Союза Василий Михайлович Обухов. Летчик написал письмо кайбичанам:

*«Дорогие товарищи! В условиях тяжелого военного времени вы на свои личные сбережения построили могучую крылатую машину. Ваш патриотизм, самоотверженный труд и искренняя любовь к Красной Армии воодушевляет нас на ратные боевые дела. Сегодня для нашей гвардейской части особенно радостный день. Командир вместе с вашими представителями передал нам дар колхозников и колхозниц Кайбицкого района Татарской республики – грозный бомбардировщик...*

*Наш гвардейский экипаж, принимая от вас замечательный подарок, выражает искреннюю благодарность колхозникам и колхозницам, на чьи трудовые сбережения построен боевой самолет. Экипаж клянется и заверяет вас, что он вместе с другими экипажами с гвардейской честью, умением и бесстрашием будет безжалостно уничтожать фашистских извергов, грабителей и насильников, ввергших нашу Родину в пучину войны. Фашистские головорезы посеяли ветер, пожнут же они бурю...».*



**20.05.1940 г. Флёра с матерью Минзифой и сестрой Аминой**



**Мансурова Флюра Александровна**

Я родилась 31 октября 1932 года в гор. Абдулино Оренбургской обл. В девичестве Флора Дальская, но паспортистка при выдаче паспорта ошиблась, и я стала Флюрой.

Я родилась в трудное, голодное время. Детей в семье было пятеро, я третий ребенок. Мой папа Дальский Александр Савельевич, 1901 г.р., служил на флоте в молодые годы. Потом его призвали служить в НКВД, а вскоре ушел работать на железную дорогу. Начал кочегаром на паровозе, затем помощником машиниста, и потом машинистом паровоза. Моя мама всю жизнь была домохозяйкой. Готовила еду, из чего можно было, обстирывала, обшивала нас. Шила нам бурки, простеганные ватой, и мы носили их с калошами.

Когда началась Великая Отечественная война, для железнодорожников установили бронь. Но всё равно папе приходилось водить военные эшелоны на фронт, а обратно эшелоны с ранеными бойцами. После таких опасных командировок их, по несколько локомотивных бригад, на своём паровозе с прицепными вагонами отправляли в короткий отпуск на Азовское море в гор. Гурьев. Они привозили для города и для деповской столовой рыбу и соль.

Во время войны в каждый дом подселяли по два человека из Киргизии. В течение месяца их обучали военному делу, а потом отправляли на фронт. На их место приезжали другие. Мама всегда кормила их ужином, жалела этих мальчишек.

Помню в соседях у нас жила многодетная еврейская семья, эвакуированная из Ленинграда. Их мать была швейей. Моя мама разрешила соседке пользоваться нашей швейной машинкой Зингер, и она дала маме разные выкройки, по которым мама научилась шить какие-то вещи на продажу. Это был дополнительный доход для семьи. Нам мама шила платья, юбки, рубашки, брюки. Мы, дети всегда помогали маме, когда она сидела за машинкой. По очереди крутили ручку. Все были рады.

Во время войны мы с сестрой и соседскими девочками ходили на перовую мельницу к дяде Мише Карасеву. Убирали там овсяную лузгу, грузили в брички и в мешки. За это нам каждой выдавали по кружке овсянки. Ещё нас выручали огороды. Мы сеяли картошку, тыкву, свеклу красную и белую, фасоль, просо. Потом мама варила овощи или пшеничную кашу в чугушке в печи. Вкуснее для нас, детей войны, ничего не было. Вот так мы жили во время войны.

Мой старший брат Борис в 13 лет начал работать помощником кузнеца в локомотивном депо г.Абдулино. Когда я приносила ему обед, видела, как он стучал кувалдой по наковальне, стоя на ящике. Мужчин для такой работы во время войны не хватало. После войны он поступил учиться в Куйбышевский железнодорожный техникум. После окончания учебы его призвали служить на флот, на Дальний Восток. Борис прослужил моряком на подводной лодке три года. После возвращения работал машинистом паровоза, окончил Куйбышевский железнодорожный институт. До пенсии работал преподавателем в Демской дорожно-технической школе.

В 1951 г. я окончила семь классов и поступила на работу в ШЧ-11 (Абдулинскую дистанцию сигнализации и связи). Вскоре меня отправили учиться в г. Уфу на шестимесячные курсы по строительству автоблокировки. После окончания курсов работала телефонисткой. В это время началась колоссальная работа на

железной дороге: электрификация, автоблокировка, сигнализация, установка светофоров вместо семафоров. Мы принимали в этом активное участие. Копали траншеи, укладывали кабель, подводили его к шкафам светофоров.

Во время обучения на курсах, я познакомилась со своим будущим мужем Мансуровым Зинятом Шайхуловичем. В 1952 г. мы поженились. Он закончил сначала Харьковский железнодорожный техникум, затем Московский институт железнодорожного транспорта по специальности автоматика, телемеханика и связь. За это время у нас родились две дочери.

Работать на железной дороге Зинят начал ещё во время войны с 1943 г. монтером связи Абдулинской дистанции сигнализации и связи. В 1956 г. участок разделили на два: ШЧ-11 и ШЧ-12 (Дёмская дистанция сигнализации и связи). Можно сказать, мы с мужем проработали в одной организации всю жизнь. Работу свою Зинят очень любил. Послевоенное восстановление и модернизация железной дороги было делом всей его жизни. Он считал себя счастливым человеком, потому что у него была любимая семья и любимая работа. Почти двадцать лет Зинят Шайхулович был начальником Дёмской дистанции сигнализации и связи. Он был очень уважаемым человеком. Мы прожили с ним счастливую семейную жизнь. В 1997 году моего любимого мужа не стало.

Когда дочки немного подросли, я закончила Куйбышевский железнодорожный техникум по специальности автоматика, телемеханика и связь. Работала в цехе проверки контрольно-испытательных приборов (КИП) Демской дистанции сигнализации и связи до самой пенсии. Работа была очень ответственная. Ремонтировала и испытывала реле, которые обеспечивали безопасность движения поездов. За каждый отремонтированный прибор несла личную ответственность.

Сейчас у меня четверо внуков и десять правнуков. Я горжусь своими внуками. Старший внук инженер-химик, второй внук - военный, подполковник, одна внучка - производственный психолог, вторая – военнотружущая. Двое правнуков сейчас студенты ВУЗов.







**Кудаяровы Ляля и Ринат с мамой**

### **Чти прошлое, твори настоящее!**

Кудаярова Ляля Самигулловна принадлежит к поколению людей, называемых «Дети войны!», свидетелей страшных военных и послевоенных лет.

Родилась она 10 октября 1935 года в г. Златоусте Челябинской области, где после окончания Казанского пехотного училища служил ее отец Кудаяров Самигулла Мухтарович (1910-1941?). 11 августа 1937 года родился братишка Ринат в военном городке Чебаркуль, недалеко от Златоуста.

В 1939 году семью направили на Дальний Восток, в район озера Хасан, где шла война с японцами. Вместе с ними ездила и Мукарама (моя мама, ей тогда было 17 лет), она рассказывала как они долго ехали вдоль озера Байкал.

После победного завершения боев в районе Халкин – Гола в августе 1939 года войска Красной Армии были переброшены на запад. Часть, в которой служил Кудаяров Самигулла Мухтарович, была переведена в г. Ворошиловград (ныне Луганск).

В мае 1941 года отца направили в Белостокский гарнизон в местечке Радзилово, хутор Жебры Белостокской области Беларускай ССР (ныне Польша). В начале июня он выслал пропуск для своей семьи. Супруга Мунавара вместе со своими детьми Лялей, Ринатом и племянником Шагитом, одиннадцати лет, прибыла 15 июня.

Радость встречи длилась всего одну неделю. Вечером 21 июня на границе произошла перестрелка, в результате старший лейтенант

Кудаяров С.М. оказался в госпитале в числе раненых. А 22 июня в 4 часа утра по военной тревоге начали эвакуацию семей военных. Могли взять только самое необходимое. Ляля-апа вспоминает, что папа вышел из госпиталя провожать на костылях, стоял у телеграфного столба. Единственное, что он просил «вывези, спаси детей!». Вывозили на машине под бомбежкой до города Белостока, чудом доехали, потому что все горело, падали бомбы. Только благодаря провожавшему сержанту, который практически затолкал маму с тремя детьми в окно вагона, они оказались внутри. Паника, толкотня не давала возможности проходу через дверь. И это опять чудо! Ведь других поездов уже не было.

Этому составу удалось вырваться из ада! Ехали через горящий Минск, через южные районы, потому что прямо в Москву не могли, немец рвался к столице. С остановками во время бомбежек, под обстрелами везли в Саратов. Молодая мама вначале выводила детей из вагона вовремя налетов. А потом собирала их в охапку и ложилась на пол с мыслью «если умирать, то всем вместе!». Но и здесь они были в числе живых. Грязные, голодные, больные, но живые доехали до Саратова. Почти месяц длился этот кошмар. По дороге у одной женщины случился разрыв сердца, оказывается «там» остались двое ее детей. Вечером она была на партсобрании, детей оставила у знакомых. И они разминулись. Искала тех, кому оставила детей, но в этой суматохе не нашла. Да и времени не было. На вокзале Саратова состав встречали, даже музыка играла, ведь это были первые беженцы. Раненных уносили в госпитали, мертвых – хоронить, живых распределили по семьям. Семью Кудаяровых взяла к себе старушка-татарка, неделю отмывала, кормила, лечила.

Дальнейшая эвакуация планировалась до Средней Азии. Только после долгих хлопот и хождений удалось получить разрешение вернуться в Башкирию! Вышли на станции Сафарово Чишминского района, где жила Зубайда-апа, отцова сестра. Ей удалось сообщить в Верхние Тирмы, приехал Назиб-абы. Встречали всей деревней, ведь уже не чаяли увидеть живыми, даже прочитали молитвы по душам пропавших! Еще долго самый младший Ринат, заслышав шум аэроплана (двукрылый самолет) прятал голову куда придется! А Шагит, которому было 11 лет, горько шутил, «поехал приодеться – потерял последнюю кепку!».

Мунавара искала мужа, писала письма, запросы, но на след напасть так и не удалось. Жена одного офицера Раиса писала, что

кто смог убежать, собрались в партизанские отряды, но среди них Кудаярова не было, и не мудрено, он был ранен в ногу, находился в госпитале в ожидании санитарной машины для эвакуации, а немцы наступали внезапно, стремительно. В последующем и поиски Ляли Самигуловны положительных результатов не дали, ответ был «пропал без вести».

По возвращению стали жить у родителей Мунавара, семья большая, но жили дружно, всегда старались поддерживать друг друга.

В 1943 году Ляля пошла в 1 класс местной 7-летней школы. Классы не отапливались, топилась железная печь только в одной пионерской комнате, куда ходили по очереди греться. Бумаги не было, в ход шли старые книги, исписанные тетради, оберточная бумага. Ручки делали сами, перья были только у спекулянтов, чернила делали из сажи, из настоя ржавой железы в соку шариков из-под листьев дуба. Не хватало одежды, обуви. Один мальчик семь лет проходил в одном и том же пальто, рукава в 7 классе были по локоть. Но это не помешало ему в будущем стать летчиком реактивного самолета!

Еда была очень скудная, благо в деревне была картошка, травы, свекла. Даже картошки не было вдоволь, отправляли на фронт, предварительно высушив как лапшу. В посылки клали вязаные носки, рукавицы, одежду. «Все для фронта, все для Победы!»

Учительница в 1 классе была не из местных, так ее кормили дети, принося из дому картошку, она ее пекла и ела.

В магазинах все полки были пустые, продавали только спички, керосин, соль, и то не всегда. Для розжига хранили угли, бегали и к соседям.

Несмотря на трудные времена, дети войны были патриотами, с песнями «За наше счастливое детство спасибо, родная страна!» шли на работы в колхозные поля в свободное от занятий время.

Ждали писем с фронта, радовались, если похоронка обходила дом.

Жизнь в деревне и после войны была тяжелая. 1945 год принес страшную засуху, 1946 год - голод. Вздохнули в 1947 году с получением хорошего урожая, на трудодни раздавали хлеб, включая и детей, так как они работали наравне с взрослыми.

Поддерживали оставшихся без отца внука и внучку бабушка Минникамал и дедушка Муртаза, и конечно, дяди.

Расскажу о дядях. Аблеев Назиб Муртазиевич ушел на фронт в 1941 году 17-летним юношей. Участвовал в знаменитом танковом сражении на Курской дуге, был ранен, лечился в госпитале, затем снова пошел на фронт, дошел до самого Берлина! Домой вернулся только в декабре 1945 года. После войны Аблеев Назиб Муртазиевич закончил государственный педагогический институт (с 1957 г. БГУ), работал в родной Верхне-Тирминской школе учителем географии, а затем - директором школы.

Лябиб Муртазиевич, 1927 г. р., с достижением 17 лет, в 1944 году был призван в Армию в Новосибирск, конвоировал пленных, приравнен к участникам войны. Трудовая деятельность прошла в родном колхозе «Победа», счетовод.

Шагит Аблеев, которому посчастливилось в 11 лет выйти живым из войны, трудился на полях и ферме вместо взрослых, ушедших на фронт. Успешно закончил физмат БГУ в 1952 году, был распределен в Чекмагушевский район, в Резяповскую среднюю школу, с 1955 по 1961 - директор Старокалмашевской средней школы, все остальные годы уважаемый учитель физики и математики. На пенсию вышел в 1990 г. Отличник просвещения, Почетный гражданин района. Его портрет и сейчас на Доске почета школы.

По стопам старших братьев пошел и самый младший - Мазит, не запятнал честь рода Аблеевых, успешно закончил БГУ, работал учителем в Кигинском районе.

Дети войны Ляля и ее брат Ринат Кудаяровы, выросли, создали свои семьи, трудились на благо Родины. Ринат Самигуллович Кудаяров всю жизнь проработал водителем грузовой машины в Туймазинском районе. Ринат-абы жив, в этом году отметил 80 летие. Его профессию выбрал сын Радик, он «дальнобойщик». Исколесил Башкирию, побывал во многих уголках России и даже зарубежья.

Наша героиня Ляля Самигулловна пошла по проторенной дорожке, за дядями в БГУ, закончила в 1953 году, учитель русского языка и литературы, прививала ученикам любовь к слову, книгам. Учитывая энергию, трудолюбие, способности, ее назначили завучем школы в д. Старо-Куручево Бакалинского района. Ее и сейчас навещают ученики, односельчане. Она много читает, интересуется географией, астрологией, народной медициной, собирает лекарственные травы, щедро делится со всеми советом, книгами, травами.

Многих Аблеевых нет в живых, но их имена вписаны в историю малой родины, а традиции рода Аблеевых продолжают внуки, правнуки.

*Материал подготовила Михайлова Лилия Закировна, внучка Аблеевых.*





**Парыгин Леонид Павлович**

**Мы –  
Дети войны,  
не баловни судьбы!**

Я родился девятого августа 1934 года в поселке Камбарка Удмуртской АССР в семье рабочего-железнодорожника. С малых лет узнавал паровозы по гудкам, до сих пор помню, что паровоз марки ИС, это Иосиф Сталин, ФД – Феликс Дзержинский. И до сих пор считаю, что нет лучшей профессии, чем железнодорожник.

Отец работал осмотрщиком вагонов на железнодорожной станции Янаул. Мать – домохозяйка. В семьях железнодорожников в те годы жены, как правило, не работали. Порядки на железной дороге были военные, могли в любое время дня и ночи поднять по тревоге, на плечах жен лежали заботы по обеспечению надежного тыла в семье и воспитании детей.

В 1938 году наша семья получила квартиру в трехэтажном доме по улице Сен-Катаяма (ныне Победы) в Янауле. Все было хорошо, но в этом же году отец погиб, попав под поезд на станции Муром. Матери с нами, с тремя детьми, пришлось возвратиться в Камбарку, в дом бабушки (матери отца). Нам назначили пенсию по 150 рублей

на ребенка, матери и бабушке пенсия не полагалась. Прожить на эту сумму было невозможно, нашей семье грозила голодная смерть.

На помощь пришли родные. Дядя - Манохин Иван Федорович и тетя – сестра моего отца – Манохина Александра Семеновна, они забрали меня на воспитание и увезли в Янаул. В то время у них погиб единственный сын, ученик шестого класса, утонул в реке Буй. И так у меня появились новые родители, в первый класс железнодорожной школы № 12 я пошел как Манохин Леонид Иванович. Дядя работал машинистом паровоза в Депо, тетя не работала.

Шел 1942 год, моих приемных родителей отправили на фронт в составе 66 паровозной колонны: дядю – машинистом, тетю – проводницей теплушки. Колонна под вражескими обстрелами, воздушными налетами пробиралась до линии огня, но участниками Великой Отечественной войны их не посчитали. Вот такая несправедливость бюрократическая.

Я же вернулся в свою родную Камбарку к бабушке и двум сестрам, мать к тому времени уже умерла. Благодаря нашей бабушке мы продолжали жить, она днем и ночью пряла, вязала рукавицы и носки для фронтовиков. У нас не было ни учебников, ни тетради, ни одежды, ни обуви. Питались картошкой со своего огорода, которой едва хватало до весны. Когда появлялась зелень, ели все, что съедобно. Собирали дикий лук, который в изобилии прорастал на пойменных лугах, перебирали, формировали в пучки, бабушка несла нашу добычу на базар. Летом переходили на разные ягоды, которых под Камбаркой тоже видимо-невидимо. На территории химбазы вместе с другими ребятами собирали порожнюю стеклотару, бабушка ее отмывала, потом наполняли медом и продавали на перроне, на вырученные деньги покупали хлеб. Так и росли, не сытые и не голодные.

Как сейчас помню, в лаптях зимой холод пронизывал до корней волос. Когда болели о медицинской помощи и речи не было, вся надежда только на себя, да на горячую печь. Спичек не было, за горячими углями ходили к соседям. Дуешь, на них, дуешь, пока огонь в печи разгорится. Дрова сырые, ольха свежесрубленная, никаких запасов, заготовленных дров на зиму.

Весной сорок четвертого приемные родители вернулись домой и забрали меня обратно в Янаул, стало немного легче жить. К

бабушке в Камбарку ездил часто, на подножках пассажирских вагонов, на товарняках.

На всю жизнь запомнился случай, который произошел летом 1945 года, когда война с Германией закончилась, а части советских войск перебрасывали на разгром японцев. Солдаты ехали на Японскую войну, на всех платформах стояли пушки. Я забрался на платформу и спрятался под теплушкой. Меня заметили. Я от страха был ни жив, ни мертв, не знал, что со мной будет. А бойцы завели меня, усадили поближе к печке-буржуйке, поинтересовались, для чего мне эти бутылки, я рассказал. Командир погладил меня по голове теплой рукой, от скупой мужской ласки у меня невольно потекли слезы. «Ну, вот, я думал, что ты мужик, собрался с японцами воевать, а ты...», - пошутил он и добавил: «Вот кто помогал нам немцев бить, теперь мы и японцев разобьем». Они меня накормили, дали с собой хлеба и помогли спрыгнуть, когда поезд сбавил ход у семафора.

В детские годы много видел как плачут взрослые мужчины, как детские забавы превращались во взрослые трагедии. Ходить на станционные пути нам запрещали. Был случай, когда четверо ребят нашли в танке снаряд, начали его разряжать, снаряд взорвался и они погибли. Через Янаул проходило много составов с разбитой боевой техникой, с пленными, которых подкармливали в привокзальном ресторане. Останавливались они ненадолго, чтобы люди меньше видели, меньше знали.

В наших трехэтажных домах по улице Сен-Катаяма ребят было много, играли в лапту, мушку, прятки, в войну, купались в водоеме, который назывался «канавой», расположенном там, где сейчас ПМС-215: девочки и мальчики отдельно друг от друга. Плавать умели почти все, но на реку Буй ходили редко. Между собой, можно сказать, не дрались, но границы соблюдали.

Я уже был уверенным в себе «мужиком», воином и спортсменом. Со спортом я подружился в школе. Физрук Леонид Федорович Тиханов был фанатом своего дела. В нашей школе первыми в Янауле стали заливать каток. Морозными зимними ночами из старых прохудившихся пожарных рукавов, которые нам выделяли в Пожарном поезде, заливали футбольное поле вместе со своим учителем. Коньков никаких не было, скользили по льду кто на железках, кто в валенках, так уверенно научились держаться на льду. Занимались и боксом. Леонид Федорович из льняных веревок



смастерил ринг, учил нас приемам бокса. Помню, на Первомайской демонстрации, мы с Климовым перед трибуной (там, где сейчас Дворец культуры) демонстрировали приемы боя.

В 1949 году я окончил семилетку, а второго апреля 1951 года меня, 16 летнего, по ходатайству начальника Локомотивного Депо А. К. Кузнецова приняли на работу учеником слесаря-арматурщика по ремонту паровозов. В арматурном цехе трудились пять человек под руководством мастера, смена начиналась и заканчивалась по паровозному гудку. Все делалось жестко и законно, работа требовала сноровки, смекалки, силы и ловкости. Зарплата тоже была неплохая, с первой своей получки я купил велосипед «Харьков» за 56 рублей. Комсомольская организация Депо была большая и сильная, будучи комсомольцем, участвовал во всех мероприятиях. Своими силами построили Красный уголок на 150-200 мест, деньгами поддержал «директорский фонд». Локомотивное Депо три года подряд занимало первое место по сети железных дорог, паровозы были ухожены как «картинки». Среди бригад шли соревнования, победители награждались. Приобрели футбольную, хоккейную формы. Сборные команды Янаула полностью обеспечивались деповским инвентарем. Выдавались в личное пользование лыжи, коньки, костюмы спортивные. Проводились соревнования среди цехов, бригад. Жизнь в локомотивном Депо «кипела». Было и много трудностей, как всегда, не хватало времени, ведь транспорт не останавливается ни на секунду.

Армейскую службу я проходил в Монголии, недалеко от города Чайболсан, где перед войной были построены казармы под руководством Жукова, и где он командовал нашими частями, громившими японских милитаристов. Часто вспоминал встречу с пригревшими меня тогда солдатами, направляющимися на ту войну. Когда пришло время служить в Армии, мне дали отсрочку на лечение ушей. Сказалось военное детство, наградившее меня на всю жизнь хроническим отитом. В ноябре 1955 года меня признали годным к службе в железнодорожных войсках. Как уже упоминалось, службу начал на юге Монголии, в пустыне Гоби, где зимой -50, летом +70, где не выпадают ни дождь, ни снег. Через полтора месяца меня зачислили в полковую школу военной части №10905 города Чайболсан, где я получил специальность начальника железнодорожных станций 4-5 класса.

Зам.командира полка подполковник Фирсов устроил отбор кандидатов в сборную полка в первую очередь по футболу. Я забил, наверное, самый красивый в жизни гол левой ногой метров за 30, мяч с отскока попал на подъем и в девятку и, разумеется, меня заметили. Тренировали нас жестко.

В мае 1956 года нас перевели на территорию Советского Союза. Россия встретила нас тучами комаров, маршрут лежал через Гороховец, Вязники, Дзержинск, Горький – сплошные леса, военные лагеря, палатки. Строили все сами, переселились в казармы перед Новым годом. Еще в октябре я получил звание мл. сержанта и специальность начальника железнодорожной станций 4-5 класса, экзамены сдал на одни пятерки.

Научился хорошо бегать, утром и вечером пробегал по пять километров, выступал на районных, гарнизонных, войсковых соревнованиях.

Нас, детей военного времени, жизнь не баловала, а закалила по-настоящему, подобно стали. Эта закалка помогает мне и в свои 83 года оставаться в строю, я активно участвую в общественной жизни города Янаула, с которым связана вся моя долгая биография. В настоящее время проживаю в новой квартире, которую получил взамен старой. Вырастил детей, получаю заслуженную пенсию. Я люблю свой город, горжусь и радуюсь, как он на глазах растет и процветает. Какая у нас прекрасная природа и мы, ветераны, прилагаем все усилия, чтоб она сохранилась, и чтоб наши дети, внуки и правнуки могли купаться в реке Буй, собирать ягоды и грибы. И чтоб они не знали войны. Пусть их минуют те беды, которые выпали на долю нашего поколения – поколения детей войны.



**Арматурный цех. Леониду 20 лет.  
3-й год работы в локомотивном депо.  
1954 г.**



**Леонид с ребятами. Суслов Валентин,  
Басов Павел.  
1954-55г.**



### **Латыпова Сафира Шарафовна**

Я родилась в 1936 году в деревне Уразово Учалинского района БАССР.

Там и жили большой семьей: отец, мать и пятеро детей. Отец был очень трудолюбивый, он построил просторный дом, мы жили дружно и счастливо.

Но в 1941 году началась война. Немцы вероломно напали на СССР. Отца проводили на фронт. Мать воспитывала пятерых детей. Самому старшему было 12 лет, младшему - 6 месяцев. Два брата, Шарифу - 12 лет, Булату - 9 лет, стали работать пастухами в колхозной ферме, а мать дояркой. Мне было 5 лет. Почти целый день я нянчилась с младшим братом.

В деревне люди голодали, умирали от голода. Мы тоже жили в очень трудных условиях. Однажды утром я убираю постель, заметила, что мой братишка Марат не просыпается. Одна соседка бабушка у нас была. Она говорит: «Он, наверно, болеет». Так и было. В течение часа он умер.

В 1943 году в Подмосковье погиб отец. Он был тяжело ранен и попал в госпиталь. Он похоронен в Москве на Преображенском кладбище в братской могиле.

В мае 1945 года закончилась проклятая война, которая украла

наше детство. Я помню, как с самолета бросили листовки о победном конце войны. Мы радовались, плакали от радости. Началась мирная жизнь. Но до счастливой жизни было еще далеко. Надо было всем работать и работать.

В 1945 году я пошла в школу в первый класс. Мне было уже 9 лет. Никаких учебных принадлежностей не было - книг, тетрадей, ручек и т.д. Одежды, обуви не было. Ходили в школу без обуви. Помню, как однажды пошел снег и большинство детей побежали домой по снегу босыми. Но мы советские дети - «дети войны» - были закаленные и настойчивые. Я окончила семилетку отличницей. Наше поколение все каникулы были занято на колхозных работах.

Мой старший брат Шариф с 16 лет стал работать трактористом. Считался хорошим трактористом. Ему даже дали путевку в санаторий в Сочи. Младший брат тоже всегда был в передовиках.

Среднюю школу я закончила в райцентре в Учалах. Жила в общежитии рядом со школой. Общежитие и пособие в первую очередь дали «детям войны», у которых погибли родители в Великой Отечественной войне.

В 1957 году я поступила в Башкирский государственный университет. В течение пяти лет получала пособие за погибшего отца, жила в общежитии бесплатно. Не все могли утроиться в общежитие.

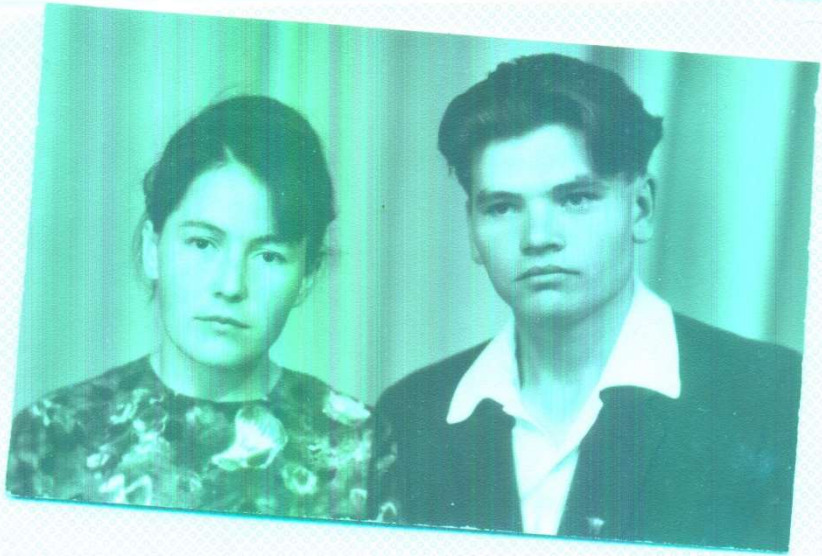
После окончания университета меня направили на работу в Чишминский район. Там я познакомилась с будущим мужем, Махмутом Латыповым, в 1964 году мы сыграли свадьбу. Его отец, указной мулла, был репрессирован в 1932 году. Вернулся только в 1937 году. Мой муж родился в 1938 году. Отец его был реабилитирован только в 1991 году.

Мы с мужем жили дружно. Мы, закаленные «дети войны», любили жизнь, не боялись трудностей. Мы вырастили двух сыновей. Они успешно закончили ВУЗ, и работают на предприятиях г. Уфы.

Я богатая бабушка - у меня три внука и три внучки.

Я очень довольна своей судьбой, я счастливая. Я - «дитя войны»!

В настоящее время я и мои сыновья живем в Уфе.



Семья Латыповых – Сафира, Махмут  
Сыновья Ильдар, Ахмет





**Якшина Зинаида Федоровна**

Родилась в 1934 году в селе Парусное Воронежской области, там где Петр I строил свои первые корабли.

Когда мне исполнился один год, родители переехали в колхоз им.Ленина. Место красивое, речка, лес.

В мае 1941 года моего отца – Федора Герасимовича отправили на переподготовку, а с началом войны он попал на фронт. В ноябре 1941 года он погиб под г.Минск.

Из нашего колхоза всех мужчин забрали в армию. Мне тогда было 6 лет. Около нашего дома выкопали окоп. В него мы (дети) прятались, когда немцы начинали бомбить. А они делали это часто, потому что в наших домах останавливались солдаты, которые шли на фронт.

Наша деревня располагалась недалеко от г.Воронежа. Сам город разделен речкой Воронеж на две части. В сентябре 1941 года фашисты заняли правый берег речки Воронеж, а на левом берегу стояли наши войска.

Однажды бомбили ночью, и бомба упала прямо около нашего дома. На наше счастье она почему-то не разорвалась, и мы остались живы.

Хорошо помню, у всех был страх попасть в плен. Мы эвакуировались, шли пешком – старики, женщины, дети. Я шла сама, сестру (ей было три года) несла мама. Эвакуированным давали 150 грамм хлеба на день. В доме, куда нас поселили, было человек 20, с пасли на полу, на соломе.

Сестра моя Рая заболела. Мама попросила свою сестру Анастасию чтобы она забрала нас к себе на станцию Терновка. Там мы жили до освобождения Воронежа от фашистов в январе 1943 г.

Весной 1943 года мы поездом товарным, вместе с солдатами, которые ехали на фронт, поехали домой. Подъезжая к станции Грязи, попали под фашистскую бомбардировку. Все выбежали из вагонов и залегли в кюветы вдоль железной дороги. Когда у фашистов закончились бомбы, самолеты снижались, и немцы расстреливали нас из пулеметов. Было очень страшно, были погибшие и раненые, но мы остались живы.

Воронеж был весь в руинах. Вместо здания вокзала поставили вагон. Наш дом стоял без окон и дверей.

Есть было нечего, собирали прелую картошку в огороде, лебеду, крапиву, желуди. Желуди сушили, перемалывали, пекли лепешки. Правда, организм их переваривал с трудом, болели животы.

Потом стал выручать огород: картошка, капуста, помидоры, огурцы, морковка.

Окончив школу в 1949 году, я поступила в Воронежский техникум железнодорожного транспорта факультет автоматики, телемеханики и связи (СЦБ).

В Воронеже еще было полно руин, и мы, студенты, по выходным ходили и разбирали здания, которые не подлежали восстановлению.

Училась полуголодная. Моей маме Пелагее Артамоновне тяжело было учить двоих дочерей. За погибшего отца государство платило по 5 рублей на ребенка.

После окончания техникума в 1954 году сразу сдала экзамены в Московский институт железнодорожного транспорта, электротехнический факультет. Приемная комиссия приезжала к нам в техникум. Учиться приходилось заочно. Три года я проучилась, вышла замуж, родила дочь и бросила учиться.

По направлению приехала в Уфу работать на железной дороге. Направили на станцию Дема по пост ЭЦ-1. Это была первая



централизованная станция, оснащенная автоматическими устройствами стрелок и светофоров. Начинала работать электромехаником. Потом первая на Куйбышевской железной дороге стала работать инженером по технической документации.

За 46 лет работы я на все маленькие станции, такие как Юматово, Шингак-Куль, Талды-Булак и другие выполнила проекты централизации. Имела много рацпредложений. На некоторых станциях участка Дема-Абдуллино до сих пор работают устройства, проекты которых выполнены мной.

У меня две замечательные дочери Марина и Виктория, три внука Максим, Иван и Богдан и внучка Пелагея.

В 2002 году вышла на пенсию и меня сразу избрали на работе председателем совета ветеранов. А потом выбрали в Президиум Совета ветеранов Демского района, где я активно работаю.